

Секция VI. Морфология русского языка

Грамматические противоречия в современном русском языке

Э. А. Балалыкина

Казанский государственный университет

Грамматическая лексикология, грамматические тупики, дефектность парадигмы

Summary. Grammatical Inconsistencies in the Contemporary Russian Language. The article examines the cases of the defective noun paradigm and the reasons for deviations from standard usage. The author provides examples of the “deadlock” situations related to the contradictions between the form and the meaning of a word within different categories of the noun: gender, number and case. The types of dependence of certain grammatical forms on the derivational structure of a word are considered. The author reveals the tendency towards the isolation of the Plural Genitive from the whole nominal paradigm.

Как известно, лексическая семантика и грамматика не должны рассматриваться изолированно, поскольку их сложное взаимодействие позволяет определить те закономерности, которые связывают систему грамматических форм с лексическим значением слова. Если грамматическое значение категории или формы не противоречит лексическому значению слова, то оно включается в план его выражения, если же в языке наблюдается противоречие между ними, то оно, как правило, разрешается в пользу лексического значения, поскольку грамматическая форма или категория исключается из этого плана.

К числу грамматических противоречий необходимо отнести те отклонения от грамматических норм словоупотребления, которые обнаруживаются на фоне сложившихся в языке закономерностей в именной грамматической системе современного русского языка. Особое внимание при этом необходимо уделять таким языковым фактам, которые носят характер исключения, являются отклонениями от системы нормативно образующихся форм, представляются лингвистическими парадоксами и приводят к дефектности той или иной грамматической парадигмы. С этими отклонениями связано понятие «грамматических тупиков», когда образование каких-то грамматических форм в языке затруднено или невозможно. Методы и приемы анализа причин подобных отклонений от общей системы достаточно сложны и требуют основательного лингвистического комментирования.

Так, выделение в пределах существительного грамматической категории одушевленности и неодушевленности не вполне закономерно, поскольку зыбкость границ между одушевленными и неодушевленными существительными объясняется постоянно происходящими в языке процессами, относящимися к области семантического словообразования. Отсюда и противоречия, связанные с тем, что живое приобретает грамматические признаки неживого и наоборот – неживое приобретает грамматические признаки живого что оформляется грамматически совпадением винительного и родительного падежа.

Еще больше противоречий представлено в пределах категории рода. Род не имеет системного противопоставления рядов форм, что является основой грамматической категории. По отношению к неодушевленным существительным род не выражен семантически и определяется лишь по грамматическим признакам. Поскольку распределение по родам не всегда закреплено за флексиями, то основным способом выражения рода считается синтаксический. Однако род – имманентный грамматический признак существительных, а потому выделять в качестве основной функции рода согласовательную не совсем корректно. Следует признать, что род существительных – это их формальный грамматический признак, который позволяет все имена распределить в ед. числе по трем основным группам: мужской, женской и средней род. Следовательно, род также необходимо отнести к числу грамматических признаков существительных, а не к числу грамматических категорий, как это представлено в абсолютном большинстве имеющихся исследований по морфологии.

Грамматическая категория числа – один из важнейших «полигонов» конфликта смысла и грамматики. На фоне регулярно образуемых и противопоставленных по семантическому признаку имен, обозначающих единичность или множественность называемых предметов, существует достато-

чно большое количество различных отклонений от указанной системы, когда семантика слова препятствует образованию той или иной числовой формы. Далеко не все существительные имеют полную парадигму числа, представленную оппозицией ед. и мн. числа. Отсутствие данной оппозиции демонстрируют многочисленные лексемы, либо вообще не связанные с идеей числа (ср. *картофель* или *провода*), либо выражающие ее неправомерно: единственное число может обозначать как один предмет, так и множество или даже совокупность (конкурс *рисунка*), а мн. число может быть наименованием единичного предмета (типа *ножницы*) и т. д. Некоторые исследователи справедливо полагают, что категория числа отражает не столько противопоставленность единичности / множественности, сколько идею расчлененности (мн. число) и нерасчлененности (ед. число) объекта.

Грамматические противоречия характерны и для категории падежа. На фоне подавляющего количества именных форм, образующихся по стандартным и регулярным образцам, выделяются слова, не способные образовать ту или иную форму. Подобных слов немного, но они достаточно частотны. При однообразии флексий, стандартного образования падежных форм, особое место во всей именной парадигме занимает род. падеж мн. числа, являющийся своеобразным камнем преткновения для многих существительных, не способных в этом падеже образовать ту или иную форму и выразить соответствующее значение. При этом важно, что образование форм в род. падеже не связано ни с типом склонения, ни с родом, ни с одушевленностью, а регулируется иными условиями, которые позволяют считать этот падеж особым, достаточно четко противопоставленным всем прочим падежным формам множественного числа. Это касается как значений, которые очень часто род. падеж не способен выразить при той или иной форме существительного, так и самого оформления слова, которое вызывает затруднения, а иногда и просто отсутствует у целого ряда существительных. Так, род. падеж мн. числа является своеобразным «тупиком» для слов общего рода с основой на мягкий согласный (типа *мямя*). Не образуют форм род. падежа и существительные общего рода, обладающие ярко выраженным разговорным характером и часто являющиеся заимствованными словами (типа *балда*). Совершенно не образуют формы род. падежа и функционально близкие указанным словам наименования лица, явившиеся результатом семантического словообразования и возникшие на базе отвлеченных существительных (типа *мразь* или *дрянь*).

Невозможность образования формы род. падежа может быть связана со словообразовательной структурой слова. Примером тому могут служить существительные субъективной оценки, оформленные суффиксами *-ецо -цо* и др. типа *зеркальце, словцо*. Те существительные, где этот суффикс выделяется достаточно прозрачно, закрепляют в современном русском языке в род. падеже флексию *-ов*: *болотце – болотцев*. Те же имена, где этот суффикс выделяются лишь этимологически, используют нулевую флексию: *полотенце – полотенец*. В случае же суффиксального варианта *-ецо* ситуация род. падежа оказывается тупиковой: существительные на *-ецо* не образуют этой формы: *пальтецо, письмецо* и др.. Малая употребительность подобных слов, их семантика и стилистическая окраска, родовая характеристика, требующая оформления род. падежа с помощью нулевой флексии, вызывают трудности как в использовании

этой формы, так и в ее грамматическом оформлении с помощью стандартных показателей.

Таким образом, на фоне подавляющего количества именных форм, образующихся по стандартным и регулярным образцам, выделяются слова, не способные образовать ту или иную грамматическую форму. Подобных слов немного, но

некоторые из них достаточно частотны, отсюда и важность выяснения причин «тупиковых» ситуаций в пределах парадигмы, для определения которых необходимо представить особенности и характер сложного взаимодействия различных уровней языка и прежде всего – лексики и грамматики.

Грамматикализация в исторической морфологии русского языка: «На халава вяңцы надели»

Я. И. Бьорнфлатен

Университет г. Осло (Норвегия)

j.i.bjornflaten@ilos.uio.no

Грамматикализация, им. / вин. мн. ч. площадь, голова

Summary. With reference to the theory of grammaticalization, the Russian dialectal forms NomAccPl *zemlja*, *galava* will be sought interpreted. It will be claimed that the theoretical approach applied here will also make it possible to shed new light on the widespread plural forms on *-á* in the Standard language as well, a circumstance which sets Russian apart from all other Slavic languages.

Общеизвестно, что в русском языке, в отличие от всех остальных славянских языков, окончание на *-á* весьма широко распространено. Если в литературном языке оно охватывает большое количество существительных мужского рода, то в разговорном языке и в просторечии оно охватывает и существительные женского рода, типа *площадь – площадья, мать – матеря*. В некоторых говорах, прежде всего в южнорусских, окончание *-á* наблюдается даже в существительных второго склонения, например: *приехать в чужие земля, сунуть под голова*. В то время как формы типа *площадья* можно интерпретировать как результат пропорциональной аналогии:

дом – домá
площадь – X $X = \text{площадья}$

Это едва ли возможно, когда речь идет о формах типа *голова – голова*. В этом случае пропорциональная аналогия не применима:

дом – домá
голова – X $X? = \text{голова}$.

На фоне исторического развития русского склонения и в свете теории грамматикализации предпринимается попытка объяснить формы им. / вин. падежей мн. ч. на *-á*.

Проявления языковой избыточности в области русских падежных противопоставлений (на материале спонтанной речи взрослых и детей с привлечением данных речевой патологии)

М. Д. Воейкова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Падежное маркирование, разговорная речь, детская речь, афазия, избыточность

Summary. Grammatical system of Russian is characterized by the high level of redundancy that goes alongside with the low reliability of morphological marking. Three subsystems of Russian – adult spontaneous speech, speech production of children and aphasia patient demonstrate different co-relation of principal and additional morphological marking.

Под избыточностью обычно понимается двойное маркирование одного и того же грамматического значения в составе высказывания, а также потенциальная возможность такого маркирования. Нас интересовало, какая часть форм косвенных падежей предшествует управляющему ими глаголу или предлогу и какая часть употреблена в постпозиции, например: *Но пояса тут не было. / Но бабушка и не носит поясов. / Вот я хочу ей отвезти*. В первом случае форма род. пад. существительного *пояса* употреблена в препозиции. При этом слушающий должен опираться исключительно на основной падежный маркер. В данной форме падежный маркер представлен окончанием *-а* и акцентной структурой, так как переход ударения на окончание характерен для формы мн. ч. *пояса́*. Можно считать этот маркер надежным и действенным, так как он исключает падежный синкретизм. Во втором случае форма род. пад. мн. ч. *поясов* стоит после глагола с отрицанием. Такую форму можно считать ожидаемой в данном контексте, кроме того, окончание *-ов* однозначно маркирует род. пад. мн. ч. и также является действенным. Во втором случае наблюдается избыточное маркирование, в котором участвуют и основные, и второстепенные средства.

В случае, когда именные группы разделены глаголом, существенным для оформления падежа обстоятельством является пост- или препозиция именной группы по отношению к предикату. Предварительные подсчеты процентного соотношения пре- и постпозиций, сделанные на материале корпуса разговорной речи из 42 тыс. словоформ, показали, что 84% существительных были употреблены после глагола. Это процентное соотношение говорит в пользу стремления именных групп к избыточному маркированию, ср.: *Ну и что, а лежат-то они меня / свои / звериными языками, извините; Ну, // надо же там // сбалансированное питание, / что-*

бы там тоже это ел / печенку; Он же умный, / Он же выдает, / он же находит, где сердце, / оставляет овсянку.

Детская речь

В соответствии с наблюдениями предшествующих исследователей, в нашем материале часто встречаются многочисленные случаи препозиции объекта, например: *Ну я чашечку принесу белую* (2;8). В примере отмечен рано усвоенный надежный маркер вин. падежа, который является достаточным показателем и в условиях, когда объект предшествует глаголу. В отличие от устной разговорной речи взрослых, в речи детей объект следует за глаголом только в 15% случаев употребления имен существительных. Порядок компонентов предложения у детей совпадает с порядком их мысли – думая об объекте, они ставят его наименование в начальную позицию. Замена предлогов свидетельствует о том, что для ребенка вторичные маркеры падежей играют меньшую роль, чем первичные. Характерно для рассматриваемого периода то обстоятельство, что в речи детей распространены комбинации предложно-падежных форм при отсутствии выраженного предиката. В целом падежная система ребенка на данном этапе представляют собой гармоничное соединение функционального и формального способа маркирования грамматических отношений. Препозиция объекта по отношению к предикату объясняет тот факт, что случаев избыточного маркирования в речи детей значительно меньше, чем в разговорной речи взрослых. Уже в раннем периоде наблюдается заметное предпочтение основных маркеров второстепенным, что проявляется в случаях редкого пропуска предлога. Ошибки в падежном маркировании связаны с особым порядком планирования высказывания – дети не способны к заблаговременному планированию, поэтому употребление родительного падежа при отрицании является

наиболее поздним процессом. То же самое можно сказать и об употреблении род. падежа в количественных сочетаниях, которые не были предметом специального рассмотрения здесь из-за недостаточного количества примеров таких сочетаний в раннем периоде.

Смешанная форма афазии

В отличие от речи детей в предложно-падежных конструкциях наблюдается постоянный пропуск падежных окончаний при сохранении предлогов (*завтра с Игорь поговорю, ты дом или Питер?, умер хороший человек Великуши* [название деревни]). Винительный направления и предложный места при этом не различаются. Немногочисленные исключения крайне редки, например: *обязательно Мексики расскажешь* (расскажешь о Мексике). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что падежное маркирование местоимений в большинстве случаев присутствует (*у меня, тебе, с ним*). Можно предположить, что это происходит из-за частотности данных сочетаний в речи и из-за того, что частотные конструкции не производятся, а воспроизводятся вместе с предлогом. В целом можно сказать, что предложно-падежная система при нарушении речи отличается некоторой стабильностью, опорой на общекогнитивные представления, выделением частотных и перцептивно выпуклых словоформ, отсутствием избыточности.

Явление полифункциональности в системе частей речи русского языка (на материале наречий и частиц)

Т. А. Волкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Наречие, частица, полифункциональное слово, интонация, контекст

Summary. Our survey is dedicated to the phenomenon of polyfunctionality between two different parts of speech – adverbs and particles, e. g. we analyze the cases when a word can have at least two realizations – as an adverb or as a particle – in different utterances. Our aim is to reveal the reasons and conditions of this conversion of a word from one part of speech to another, which is tightly connected with intonation and context.

В последнее время термин «полифункциональность» получил довольно широкое распространение в лингвистической литературе и, что интересно, встречается в работах, посвященных анализу самых разных аспектов языка. Дело в том, что понятие «полифункциональности» – относительно «молодое» в современной русистике, и многие исследователи предлагают свое семантическое наполнение еще не утвердившегося в науке термина в зависимости от рассматриваемого ими фрагмента языковой системы. Так, говорят о полифункциональности морфем, слов, словоформ и целых высказываний. В некоторых случаях «полифункциональность» определяется как свойство, присущее словам определенной части речи, в частности некоторым местоимениям и частицам. Мы предлагаем несколько иной вариант интерпретации данного понятия, в основе которого лежит подход Е. А. Брызгуновой, чьи идеи мы принимаем и развиваем. Итак, под «полифункциональностью» мы понимаем способность словоформы (в случае с изменяемыми частями речи) или слова (в случае с неизменяемыми частями речи) менять свой частеречный статус, выступая в том или ином словесном окружении, что происходит при взаимодействии синтаксической структуры высказывания, его лексического состава, интонации и смысловых связей с контекстом.

Иногда полифункциональным может оказаться слово, конкретные частеречные реализации которого не имеют форм словоизменения. Такие случаи представляют собой наибольшую трудность для анализа, поскольку грамматические критерии определения частеречного статуса слова здесь «не работают». Кроме того, возможны случаи, когда полифункциональное слово реализуется, с одной стороны, как слово самостоятельной части речи, с другой – как служебное слово. Именно поэтому в качестве объекта нашего исследования были выбраны слова неизменяемых частей речи: самостоятельной – наречия и самостоятельной – частицы.

Внутри классов наречий и частиц часто проводятся различного рода деления, основанные на семантических и формальных принципах, учитывающие этимологию и словообразовательные связи слова, наконец, его функционирование в устной и письменной речи. При этом для наречия как самостоятельной части речи подобные классификации более

Выводы

Система падежных флексий в русском языке характеризуется высоким уровнем избыточного маркирования, что естественно в условиях ненадежности вокалических падежных окончаний в безударной позиции. В устной разговорной речи наблюдается тенденция к постпозиции объектных распространителей. Поведение существительных и местоимений в роли объекта различно: местоимения чаще встречаются в препозиции к глаголу, чем существительные.

В речи детей в период сложившейся падежной системы наблюдается ослабленная тенденция к избыточному маркированию по сравнению с речью взрослых. Характерный для более раннего этапа пропуск предлогов при сохранении падежных окончаний наблюдается редко, в первую очередь за счет того, что предложно-падежные сочетания с обиходными словами оказываются выученными и не производятся, а воспроизводятся в речи.

В наблюдаемом нами случае смешанной травматической афазии сохраняются перцептивно выпуклые падежные маркеры, однако во многих случаях падежное маркирование отсутствует. Если маленькие дети предпочитают пропускать предлоги и сохранять падежные окончания, то в данном случае афазии наблюдается обратная картина – во всех падежах, обозначающих место и направление, наблюдается сохранение предлогов и пропуск окончаний.

разработаны, нежели для «несамостоятельной» частицы. В связи с этим, анализируя полифункциональные слова, способные выступать в качестве частиц и наречий, мы ориентировались на формальные, семантические и функциональные характеристики последних. Таким образом, принципиальными для нашего исследования оказались следующие деления внутри класса наречий.

Прежде всего, это семантическое разделение наречий на знаменательные и местоименные. Внутри знаменательных наречий по формальному признаку можно выделить наречия в положительной и сравнительной степени, причем здесь мы разделяем точку зрения, согласно которой компаративы (а также суперлативы) рассматриваются как отдельные лексемы, а не формы одной лексемы. Среди местоименных наречий, в свою очередь, по функционально-семантическому признаку выделяются наречия вопросительные и невопросительные.

С учетом всего сказанного, рассматриваемые нами полифункциональные слова могут быть классифицированы следующим образом:

1. Частицы, коррелирующие со знаменательными наречиями.
 - 1.1. Частицы, соотносимые со знаменательными наречиями в положительной степени.
 - 1.1.1. Полифункциональные слова *решительно, положительно, определенно*.
 - 1.1.2. Полифункциональные слова *единственно, исключительно*.
 - 1.1.3. Полифункциональное слово *просто*.
 - 1.1.4. Полифункциональные слова *ровно, точно*.
 - 1.1.5. Полифункциональные слова *буквально, практически*.
 - 1.2. Частицы, соотносимые со знаменательными наречиями в сравнительной степени.
 - 1.2.1. Полифункциональные слова *скорее, быстрее, раньше*.
 - 1.2.2. Полифункциональное слово *больше*.
 - 1.2.3. Полифункциональное слово *лучше*.
2. Частицы, коррелирующие с местоименными наречиями.
 - 2.1. Частицы, соотносимые с вопросительными местоименными наречиями.

2.1.1. Полифункциональные слова *где, куда*.

2.1.2. Полифункциональное слово *как*.

2.2. Частицы, соотносимые с невоспитательными местоименными наречиями.

2.2.1. Полифункциональные слова *там, тут, здесь*.

2.2.2. Полифункциональное слово *так*.

Из приведенной схемы видно, что некоторые полифункциональные слова объединены в группы. Основанием для такого объединения послужила общность значений, выражаемых их частичными (от слова «частица») реализациями. Дело в том, что, являясь наречием, каждое из таких слов имеет свое значение, функционируя же как частицы, эти слова приобретают семантическую близость, начинают употребляться в сходных и даже одинаковых контекстах, требуя определенного интонационного оформления высказывания. Продемонстрируем это на примере группы полифункциональных слов *решиительно, положительно, определенно*.

Будучи наречием, каждое из этих слов характеризует действие по способу его совершения, только в разных аспектах.

Так, *решиительно* имеет значение 'твердо, уверенно' («Согласен», – произнес он **решиительно**); *определенно* означает 'ясно, четко' (Он ответил вполне **определенно**); а *положительно* выражает подтверждение, одобрение вышесказанного (В министерстве этот вопрос **решили положительно**). При этом данные наречия могут встречаться в высказываниях с любым типом ИК и имеют неограниченный коммуникативный статус.

Выступая в роли частиц, различия в семантике этих трех слов нейтрализуются. Теперь они употребляются для усиления, акцентирования сентенции говорящего (*Это **решиительно** не твой тип мужчины, / забудь о нём!*; *Это **положительно** не твой тип мужчины, / забудь о нём!*; *Это **определенно** не твой тип мужчины, / забудь о нём!*). При этом сами частицы имеют коммуникативный статус темы, а высказывания, их содержащие, оформляются с помощью ИК-5.

По такому же принципу были выделены все прочие группы полифункциональных слов. Более подробное описание некоторых из них будет представлено в рамках доклада.

О принципах построения «морфологии взаимодействия»

И. В. Высоцкая

Новосибирский государственный педагогический университет

Синкретизм, синкретичные явления, морфология взаимодействия

Summary. Complete description of parts of speech system is to consider the syncretic phenomena, which are in zones of interaction and combine the features of two or more grammatical classes. The author studies the system connections between the noun and the other parts of speech in the modern Russian and offers the principles of formation of "morphology of interaction".

Мысль о нестабильности языка позволяет применять диалектический метод к его анализу и видеть в языке противоречивое единство противоположностей, целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами. «Списочному», или «инвентарно-таксономическому», подходу противопоставлены исследования языковой динамики, в том числе и в сфере морфологии, прежде всего – посвященные упорядочению межчастеречных переходов и описанию **синкретичных явлений**.

В лингвистике термин «**синкретизм**» употребляется в нескольких значениях – как: 1) упрямые различия падежных форм (Б. Дельбрюк, Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсон, А. Мартине); 2) языковая категория, устанавливаемая совпадением (Л. Ельмслев) в парадигматике и синтагматике; 3) нейтрализация противопоставлений (О. С. Ахманова); 4) совмещение свойств противопоставленных единиц языка, связанных между собой явлениями переходности (В. В. Бабайцева).

Исходя из представлений о недискретном характере синкретизма, на основании изучения различных трактовок синкретизма и отграничения этого лингвистического феномена от других языковых явлений предлагаем следующее определение: **синкретизм** – обусловленное единством чувственного и абстрактного мышления универсальное свойство языка, проявляющееся в способности языковой единицы выражать комплекс противопоставленных лексических и /или грамматических значений.

Такой подход предполагает определенный принцип описания языковой системы, при котором единица языка воспринимается как совокупность элементов, составляющих ядро и периферию, с нечетко очерченными границами, и рассматривается во взаимосвязи с другими единицами этого же языкового уровня. Место синкретичных образований – в зонах взаимодействия, совмещения признаков двух (и более) ядерных единиц.

Для описания системы частей речи современного русского языка можно предложить название «**морфология взаимодействия**» достаточно четко выражающее общую идею построения системы частей речи на основе положений теории переходности и синкретизма. В результате взаимодействия разных частей речи возникают синкретичные образования, совмещающие в различных пропорциях свойства противопоставленных грамматических классов слов.

Изучение узальных синхронных связей имени существительного с другими частями речи позволяет выделить многочисленные синкретичные явления – на уровне морфемного словообразования и межчастеречных переходов.

На уровне морфемного словообразования имя существительное связано с однокоренными прилагательным, глаго-

лом, причастием и числительным. Место на субстантивной периферии занимают отглагольные (*изучение, ходьба, бег, проверка*), отадективные (*гордость, доброта, тишь*), отпричастные (*зависимость, заинтересованность, избранность*) и образованные от числительных (*двойка, тройка, семерка*) имена существительные. Их синкретичный характер проявляется в синтезе свойств разных частей речи: по форме это имена существительные, однако значение их далеко неоднозначно, поскольку процессуальный, признаковый, нумеративный семантические компоненты сочетаются с категориальным значением предметности.

Взаимосвязь с местоимениями-существительными проявляется на уровне лексической семантики: в процессах лексикализации местоимений и грамматикализации существительных – на определенных стадиях депрономинализации и прономинализации. Связи имен существительного и числительного проявляются и на уровне транспозиции, и в наличии существительных с квантитативным значением.

Межчастеречные диахронные и синхронные переходы представлены процессами адвербиализации (*весной, напрокат*), предикативизации (*страх, пора*), прономинализации (*дело, вещь* в составе именной части сказуемого), модалности (*к счастью, правда*), интеръективации (*батюшки, караул*), препозиционализации (*в течение, навстречу*), партикуляции (*в особенности, эка беда*), конъюнкционализации (*благо, вроде*).

Слова всех частей речи подвергаются окказиональной субстантивации (метатекстовой, индивидуально-авторской и субстантивации номинации). Явление узальной субстантивации отличает признаковые слова: имена прилагательные (*больной*), причастия (*сказанное*), местоимения-прилагательные (*другой*), порядковые числительные (*первый*). Предлагаем выделить несколько типов узальной субстантивации (контекстуальную, ситуативную, частичную, глубокую). Количественные и собирательные числительные подвергаются только ситуативной и частичной субстантивации. Субстантивируются некоторые наречия (*светлое завтра*). Случаи субстантивации междометий единичны (*охи, ахи*), возможна, однако, десубстантивация отдельных междометных образований.

В системе частей речи современного русского языка имя существительное связано со всеми частями речи, кроме депричастия (хотя возможна его окказиональная субстантивация).

Последовательное изучение взаимосвязей всех частей речи с каждым элементом морфологической системы позволило бы создать адекватное описание противопоставленных ядерных явлений и связующих звеньев.

«Морфология взаимодействия» должна учитывать следующее.

1. При выделении частей речи важно учитывать **характер взаимодействия компонентов грамматической семантики**, которое может быть органичным и конфликтным (в случае совмещения противоречивых компонентов: предмета и действия, признака и предмета и проч.).

2. **Часть речи имеет полевую организацию**, в ее структуре выделяются ядро и периферия. Граница между ними размыта: периферийная зона является одновременно зоной притяжения другого ядра, т. е. зоной синкретизма. Существует проблема разграничения синкретичных образований, демонстрирующих наличие внутренних связей и постепенность перехода от периферийных явлений к промежуточным, от одного частеречного поля к другому.

3. Изучение **взаимосвязей между частеречными полями** позволяет уточнить ядерные признаки частей речи и выделить синкретичные образования, для упорядочения которых необходимо последовательное изучение взаимосвязей каждого элемента системы со всеми остальными.

4. Гипотеза о том, что **система частей речи также имеет полевую организацию** (представляет собой поле, состоящее из полей), демонстрирует незамкнутость морфологической системы языка и позволяет рассматривать ее в свете логики нечетких множеств как сложную самоорганизующуюся систему.

Представляется перспективным последовательное изучение межчастеречных связей всех классов слов современного русского языка, описание синкретичных морфологических явлений и составление полного описания системного взаимодействия частей речи.

Залоговый статус возвратных конструкций с местоименной группой «сам собой»

В. И. Гаврилова

Московский городской педагогический университет

v_gavrilova@comtv.ru

Анафорическая группа, залог, пассив, ролевая характеристика

Summary. Constructions including pronoun group «sam (-a, -o, -i) soboj» are studied. The influence of the group on semantic role of the subject and voice characteristic of the predicate of constructions is discussed.

Как изолированное местоимение «сам», так и «сам» в сочетании с различными падежными формами местоимения «себя» (связанное «сам» по терминологии А. Е. Кибрика) является предметом многочисленных исследований. При этом, как правило, исследуется функционирование связанного «сам» в составе активных конструкций. Предметом настоящего исследования является местоименная группа «сам собой», которая употребляется только в составе квазипассивных конструкций с возвратными глаголами в качестве сказуемых.

Связанное «сам» в активных конструкциях и «сам собой» в квазипассивных конструкциях употребляется в качестве анафоры к подлежащему. Подлежащим в активной и квазипассивной конструкциях присущи разные ролевые характеристики, а именно, подлежащее в активной конструкции принято характеризовать как агенс, в то время как подлежащее в квазипассивных конструкциях, как нам представляется, должно быть охарактеризовано как пациенс. Функция «сам собой» в квазипассивных конструкциях состоит в том, чтобы показать, что в данном случае вопреки инертности, связанной с ролевой сущностью пациенса, в пациенсе происходит самопроизвольное развитие заложенных в нем при сотворении мира свойств.

Рассмотрим нераспространенные группы двучленных пассивных конструкций (1нсв)–(5нсв) в сравнении с группой конструкций (6нсв)–(10нсв). Конструкции группы (1нсв)–(5нсв) отличаются от конструкций группы (6нсв)–(10нсв) лишь наличием в их составе распространяющих слов «как бы сам (-а, -о, -и) собой». За счет присутствия элемента «сам собой» происходит квазипассивное осмысление возвратных глаголов с прототипическим пассивным значением и становятся абсолютно безупречными конструкции с парными глаголами совершенного вида:

(1нсв) Белье гладится ↔ (1св) *Белье погладилась.

(2нсв) Прибор конструируется ↔ (2св) *Прибор сконструировался.

(3нсв) Платье шьется ↔ (3св) *Платье сшилось.

(4нсв) Деталь вытачивается ↔ (4св) *Деталь выточилась.

(5нсв) Документы оформляются ↔ (5св) *Документы оформились.

(6нсв) Белье гладится как бы само собой ↔ (6св) Белье погладилась как бы само собой.

(7нсв) Прибор конструируется как бы сам собой ↔ (7св) Прибор сконструировался как бы сам собой.

(8нсв) Платье шьется как бы само собой ↔ (8св) Платье сшилось как бы само собой.

(9нсв) Деталь вытачивается как бы сама собой ↔ (9св) Деталь выточилась как бы сама собой.

(10нсв) Документы оформляются как бы сами собой ↔ (10св) Документы оформились как бы сами собой.

В примерах (11)–(15) совершенный вид возвратного сказуемого в форме также возможен лишь благодаря присутствию в контексте предложения местоименной группы «сам собой»:

(11) Я уверен в том, что всякие попытки **создать** сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя **создать**. Она **создается сама собой**, внезапно, **создается**, когда появится писатель, который **сочтет** несовершенной текущую жизнь и, **негодую**, **приступит** к художественному обличению ее (М. Булгаков).

(12) **Прежде всего надо держать** в вечной памяти, что во всех делах и действиях в жизни большее нужно **предпочитать** меньшему. **Иначе затеряется непременно и не выполнит** ни большего, ни меньшего. **Если же он выполнит** большее, то меньшее **выполнится уже само собою** (Н. В. Гоголь).

(13) **Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто**, да он **желал, чтобы это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой**.

(14) **Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему, и сделал** (чуть-чуть не сказал «сделалось»), **в церкви, в самом деле, много такого, что получилось как бы само собой** (Д. С. Лихачев).

(15) **Сама собою жизнь ведь не построишь**, Вода под камушек не потечет.

Можно утверждать, что на основе любой пассивной конструкции с личной формой возвратного глагола несовершенного вида в качестве сказуемого может быть построена конструкция, в которой в качестве сказуемого будут выступать личные формы парного возвратного глагола совершенного вида в форме прошедшего времени в сопровождении местоименной группы «сам (-а, -о, -и) собой» с отрицанием (примеры (17)–(21)) или личной формой будущего времени от глагола совершенного вида с отрицанием и местоименной группой «сам (-а, -о, -и) собой» (примеры (22)–(26)):

(17) Замок **отремонтировался** не сам собой.

(18) Белье **постиралось** не само собой.

(19) Хлеб **испекся** не сам собой.

(20) Смета **составилась** не сама собой.

(21) Жизнь **построилась** не сама собой.

(22) Сам собой замок **не отремонтируется**.

(23) Само собою белье **не постирается**.

(24) Сам собою хлеб **не испечется**.

(25) Сама собою смета **не составится**.

(26) Сама собою жизнь **не построишь**.

Н. А. Янко-Триницкая считает, группа «сам (-а, -о, -и) собой» нейтрализует пассивность возвратного глагола и устраняет возможность содействующего объекта. По-нашему

мнению, местоименная группа «сам (-а, -о, -и) собой», сопровождающая возвратный глагол со значением изменения свойств подлежащего, являются анафорой. Эта анафора указывает на то, что подлежащее-контроллер является не только предметом, претерпевающим изменение, но и заключает в себе свойства, обеспечивающие неотвратимое спонтанное осуществление своих собственных изменений при наличии определенных внешних условий.

На обсуждение выносятся следующие вопросы:

- особенности взаимодействия группы «сам (-а, -о, -и) собой» с глаголами разных лексико-семантических групп;
- влияние присутствия местоименной группы «сам (-а, -о, -и) собой» на семантическую роль подлежащего конструкции, содержащей эту местоименную группу;
- залоговый статус сказуемого конструкции содержащей группу «сам (-а, -о, -и) собой»;
- синтаксический статус самой местоименной группы «сам (-а, -о, -и) собой».

Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка*

М. Я. Гловинская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Многие жанры в Интернете (например, форумы, объявления) имеют установку на мгновенное понимание со стороны адресата и его мгновенную ответную реакцию. В условиях анонимности коммуникантов и отсутствия редакторского контроля возникает эффект снятой ответственности за выбор и использование языковых средств. Все определяется не конвенцией, а коммуникативной потребностью «быстрее и понятней». Это приводит к тому, что потенциальные формы употребляются как реальные, несклоняемые существительные склоняются и т. д.

Так, потенциальные формы причастий будущего времени (типа *откроющийся, летящий, пожелавший, предъявляющий* и т. д.) признаются в академических грамматиках [Грамматика 1960, 506] и [Грамматика 1970, 419] единичными и ненормативными; см. также [Виноградов 1947, 277].

На рубеже XX и XXI веков примеры действительных причастий СОВ БУД перестают носить спорадический характер, они часто встречаются в языке mass-media и в огромном количестве присутствуют в Интернете ([2], [6]); ср., например, *В этом регионе много вот-вот закроющихся шахт* (ТВ. 4.02.96); *Поиски настоящего Пушкина, открывающего тайну, как стать самим собой* (радио «Свобода». А. Генис в передаче о Довлатове. 1998); примеры из Интернета: *Отрывок из Иловайского, несомненно заинтересующий новохронологов*; *Интересно, найдется ли кто-либо, увидящий глубинный смысл данных высказываний и не замечаящий никакого противоречия*. По нашим материалам наиболее частотная форма – *откроющийся(ся)*.

Несмотря на многочисленность примеров причастий СОВ БУД в текстах, они появляются еще недостаточно регулярно, чтобы можно было судить о факторах, способствующих и препятствующих их образованию.

В языке Интернета проявляются новые тенденции и в употреблении несклоняемых заимствованных существительных ([1], [3]). Судьба этих существительных вообще парадоксальна. Процесс их освоения все время шел в направлении, как бы противоположном обычной адаптации заимствований к основной языковой системе, – сначала (XVIII – первая половина XIX в.) они были адаптированы морфологической системой (*какао, кофю, на бюре* и т. д.), а потом постепенно стали неизменяемыми (подробно об этом см. [4]). Несклоняемость таких существительных в русском литературном языке в настоящее время кажется незыблемой. Однако коммуникативная потребность в их склонении имеется. Особенно она велика во множественном числе и в случае беспредложного управления; ср., например, *Надо заедать сациви* (непонятно, что или чем). Склонения требуют интересы слушающего, и говорящий чутко откликается на них. Именно о коммуникативной потребности свидетельствует употребление несклоняемых существительных в Интернете.

Приведем примеры. Из проверенных несклоняемых существительных наиболее полные парадигмы обнаруживаются в Интернете у слова *пианино*. При этом отмечаются колебания в роде – женский *пианина* и средний.

РОД: *Нина из-под пианина?*; *И Николай Терентьевич тоже, добрая душа, смеется над собой из-под пианины*;

ДАТ: *Привет!.. а меня не приковывали к пианине... и теперь я об этом жалею*. ВИН: *Не люблю чистые инструменталки, женский голос под пианину – это другое дело*. ПРЕДЛ: *Ваш Сорокин, конечно, очень хорошо умеет составлять слова и на пианине даже бацает*; ИМ МН: *Механические пианины*; РОД МН: *Поэтому объявлений по поводу продажи «пианин» было много*. ДАТ МН: *Курицвел, правда, мало уступает по цене пианинам (цифровым), но зато и удовольствие от игры можно получить не малое*; ВИН МН: *Кажется, предстоит красивая баллада «под пианины», но вдруг неожиданно врывается гитара и композиция превращается в яркий арт-поп-номер*; ТВОР МН: *Легковесно-романтические звуки роялей с пианинами, сдобренные щедрой долей эпичности, напоминают лучшие моменты творчества другого вождя...*; ПРЕДЛ МН: *Кстати, у них на пианинах здесь девушка играет*.

Слово *казино*:

ИМ МН: *Точно, казино – болезнь, причем активно в мас-сы насаждаемая, начиная от автомата «мягкая игрушка» <...>*; РОД МН: *Особенно в форуме который под контролем казин*; ВИН МН: *И тут я начну оправдываться: да, я сделал веб-казино, но по большому счету – с гостевым входом по модему*; ТВОР МН: *Но в настоящее время планируется построить автодром с бассейнами, телевышками, казиноми*; ПРЕДЛ МН: *Я остаюсь в казинох Лихтенштейна; А начнете богатеть за счет везения, на этот счет в казинох тоже алгоритм есть*.

Подобные примеры являются признаками того, что накопленный уровень аналитичности в склонении существительных нарушает баланс интересов говорящего и слушающего [5, 24–25]. Поэтому в ограниченных (пока!) типах речи наблюдается возврат к морфологической адаптации несклоняемых заимствованных существительных. Процесс этот протекает не равномерно внутри всей группы, а затрагивает в первую очередь некоторые лексемы, и неравномерно в самой парадигме.

Литература

1. Гловинская М. Я. Езикът на интернет като средство за откриване на неустойчиви участъци в езика // Български език. 2005. Кн. 4. С. 67–73.
2. Гловинская М. Действительные причастия будущего времени в русском языке in statu nascendi // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Kraków, 2006. S. 177–184.
3. Гловинская М. Я. Морфология // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / Ред. Л. П. Крысин. М., 2007.
4. Мучник И. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 148–180.
5. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
6. Этштейн М. Дар слова. Вып. 16. Проективный словарь русского языка. Страдательные причастия будущего времени // Русский журнал / Круг чтения. (www.russ.ru/krug/20030217_dar-pr.html).

* Доклад написан в рамках проекта «Русский литературный язык и современная речевая практика» по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

Категория залога русского глагола в многомерном пространстве языка

В. Ф. Ильина

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Залог, форма залога, классификация, коннотация, синонимия

Summary. Voice in the nominative system of language, the aspects of it investigation: grammatical, cognitive, and poetic.

Поступательное формирование теории залога в соответствии с номинативным строем русского языка обусловлено общим развитием теоретического контекста лингвистической науки, в котором определилась тенденция активного взаимодействия грамматики и других семантически ориентированных наук – логики, когнитивной лингвистики, психологии, стилистики, грамматической поэтики. Представляется возможным систематизировать объем уже накопленных знаний по теории залога и выявить некий обобщенный вариант ее современной интерпретации.

1. Грамматический аспект анализа категории залога имеет давнюю историю. Известен плюрализм залоговых концепций. В русистике широкое признание получило толкование залога как выражение глаголом субъектно-объектного отношения, оно наиболее полно передает естественные денотативные ситуации (М. В. Ломоносов, А. А. Потегбня, В. В. Виноградов, А. Н. Гвоздев, Е. С. Истрина, И. А. Мельчук и др.). Однако разная интерпретация авторами «внутренних вопросов» не способствует созданию единой непротиворечивой теории, удобной для успешного применения на практике.

В описании своих объектов современная грамматика использует два подхода – **системный** (парадигматический) и **функциональный** (синтагматический).

Системный подход к анализу залога определяет специфику его категориального значения, форму и значение составляющих его членов (граммем), его парадигму. К системным относятся следующие понятия:

— Субъектно-объектное отношение – основной критерий классификации залогов; категориальное единство форм, таким образом, поддерживается семантикой. Этот признак делит глагольную лексику на *залоговую* и *незалоговую*. Соотнесенность залоговых форм имеет регулярный, но не обязательный характер: она может отсутствовать, может быть исторически утрачена (*прощаться*).

— Залоговое отношение – это структура (модель), компоненты которой участвуют в выражении залогового значения; вся модель является формой залога (граммемой), которая получает соответствующую дефиницию. Из этого следует, что категория залога может квалифицироваться лишь как лексико-грамматическая.

— Залог двуплановая структура: содержательный план представлен логико-грамматическими понятиями *субъект-действие-объект*; формальный – синтаксическими понятиями *подлежащее-сказуемое-дополнение*.

— Залоговая система строится на морфологически исходной форме переходного глагола, составляющего основу действительного залога. От него образуются производные формы на *-ся*, видоизменяющие в соответствии со своей семантикой отношение действительного залога и образующие с ним коррелятивные залоговые пары, которые упорядочивают структуру залога и придают ей характер замкнутости.

— Данная теория залога дистанцируется от теории двух залогов – Passive – Active (А. В. Исаченко) как не соответствующей номинативному строю русского языка и от теории трех залогов, в которой при выделении возвратно-среднего залога основной критерий переключается на формальный с дальнейшим выделением «подзалогов».

Функциональный аспект анализа раскрывает текстовое «поведение» залога:

— В живом функционировании залоговая форма обладает свойством адаптивности: она своим семантическим потенциалом открыта тексту и по воле говорящего может подвергаться различным семантическим и экспрессивно-стилистическим преобразованиям, затрагивающим ее инвариантное значение. Процесс возможных случаев взаимодействия формы и контекста, ведущих к интегральным явлениям, создает микроструктуру поля действительного залога, страдательного, взаимновозвратного, взаимного, которые в совокупно-

сти формируют ФСП залоговости. Выделение полей существенно дополняет процедуру структурно-семантического анализа.

— Залог – это единица грамматики, это предикативная основа предложения, это средство доступа к мыслительным операциям.

2. Залоговая семантика как часть общей семантики относится к философии языка и теории познания: она обобщает свойства вещей быть связанными между собой и называет эти связи и отношения (*Отец любит сына. Они любят друг друга. Сын любит только себя*). Исследование процесса познания в языковых формах принадлежит когнитивной лингвистике. Она сочетает элементы формального описания с функциональными объяснениями (Е. С. Кубрякова), интерпретирует информацию и способы ее распределения в единицах языка, исследует, как человек познает мир, каким его видит и осмысляет в силу своего разума и интеллекта в данном случае через одну из координат – через субъектно-объектные отношения. Здесь на первый план выходит проблема антропоцентризма (Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов), согласно которой специфика речи, выбор языковых форм определяются деятельностью человеческого сознания, при этом активно выявляется взаимодействие лингвистики, психологии, стилистики. Сам выбор субъектно-объектных моделей лицом говорящим мотивирован положением, что существует некая неисчерпанность в познании объективно существующих отношений внешнего и внутреннего мира человека. При этом прослеживается путь от автологии до яркой метафоры: *Банкиры до хруста земной обнимают глобус* (В. Маяковский).

3. Потенциальная неисчерпанность объективно существующих субъектно-объектных ситуаций порождает механизм индивидуально-авторского их восприятия, предопределяя неопределенное число точек зрения на способы их обозначения. Это наблюдается прежде всего в художественных текстах, подверженных, по словам Д. С. Лихачёва, действию двух факторов: верного отображения и активного преобразования действительности: *Спокойно трубку докурив до конца, Спокойно улыбку стер с лица* (Н. Тихонов). С позиций когнитивного анализа в текстовой реализации субъектно-объектных отношений имплицитно присутствуют разные содержательные компоненты – залоговое значение, личностная оценка этого отношения, стилистическая коннотация, формирующие «единый эстетически значимый смысл» (Л. А. Новиков). В этом мы видим также одну из иллюстраций идеи «активной грамматики» Л. В. Щербя.

Заметим, что когнитивная и текстовая интерпретации залоговых структур для предшествующего знания о залоге не были востребованными. Каждый из названных аспектов исследования субъектно-объектных отношений еще нуждаются в дополнительных наблюдениях, но очевидно, что многоаспектный анализ субъектно-объектных отношений вносит новый импульс в осмысление теории залога, существенно расширяет процедуру семантического анализа, обновляет метаязык данной проблемы, определяя контуры современной парадигмы знания теории залога и направления ее педагогической реализации.

Литература

1. Залоговые концепции в разноструктурных языках. Л., 1981.
2. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука XX века. М., 1995.
3. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
4. Снежков Ю. А. Поэтическая синонимия (К проблеме синонимии тропов) // Филологические науки. 1983. № 4.
5. Якобсон Р. О. Поэтика грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983.

О различиях между трактовками залога в русском языке

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН, Москва

Залог, множественность моделей в русистике, оппозиция, нейтрализация, граммема

Summary. About possible treatments of Russian voices. Several possible treatments of Russian voices are being discussed. The main problems concerned are: (1) which of the members of the voice opposition should we adopt in the case of non-correlativeness of verbal forms? (2) in what relations do the voice pairs staying to the limits of the grammatical paradigm of the verbal lexeme? (3) how many voices (if any) are there in Russian?

Сложностью формально-смысловых отношений в сфере залога объясняется разнообразие трактовок залога в русском языке (РЯ).

1. Некоррелятивные («непарные») глагольные формы (ГФ) соотносят с **немаркированным** членом оппозиции (он выступает в позиции **нейтрализации**). Но какой из членов залоговой (З-) оппозиции усматривать при непарности?

Есть такие трактовки:

1) некоррелятивные финитные ГФ без постфикса *-ся* (в том числе и такие, как *благодарит, светает*) трактуются как принадлежащие к «невозвратному (НВ-)» (немаркированному, «беспризнаковому») залого, а содержащие постфикс *-ся* (в том числе и такие «недостаточные» ГФ, как *ленился, смеется, нравятся, здороваются, прощаются, выспитесь, проснетесь* и т. п.) – как принадлежащие к «возвратному (В-)» («непереходному» (НП-) залого (А. М. Пешковский, Р. О. Якобсон);

2) все ГФ, употребляемые в пассивной (Па-) конструкции, считаются принадлежащими к маркированному (страдательному (Стр-)) залого, а все остальные – к немаркированному (действительному (Д-)) залого (Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко, Н. С. Авилова и др.); это касается либо (2а) всех морфологических ГФ (многие); либо (2б) всех синтетических ГФ (А. А. Зализняк);

3) все личные (Л-) (подлежащие) ГФ трактуются как члены З-противопоставления (актив / пассив (А / П)), а все безличные (Б-) глаголы и безличные (бесподлежащие) ГФ Л-глаголов трактуются как стоящие вне залога (С. И. Карцевский);

4) все непарные формы (в том числе НП- НВ- и В- «*reflexiva tantum*») считаются не имеющими залога (Ф. Ф. Фортунатов, В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, П. С. Кузнецов);

5) Б-глаголы принадлежат к особому «бесподлежащему» залого, а на остальном множестве форм реализовано противопоставление либо (5а) «действительно-подлежащего» залога «страдательно-подлежащего» (Б. Д. Рабинович), либо (5б) Д-, Стр- и среднего залогов (А. И. Моисеев);

6) у НП- глаголов без *-ся*, а также у всех В- глаголов не Па- значения залога нет; залог выражается только в парах «переходный НВ- глагол» (Д- залог) vs. «ГФ с Па- значением» (выраженным аналитически либо синтетически) (Э. И. Королёв).

7) у НП- НВ- глаголов (без *-ся*) залога нет (см. выше № 4), а у НП- «*reflexiva tantum*» (не имеющих соотносительной НВ-формы) усматривается В- ГФ в десемантизированной функции (В. Г. Гак); у прочих ГФ усматривается тот или иной залог.

II. Каково отношение самих З-пар к границам глагольной лексемы?

Есть такие трактовки:

(а) все З-пары трактуются как словообразовательные (СО-) (Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Поржезинский, Пешковский, М. Н. Петерсон, А. К. Поливанова); а соотносительность синтетических ГФ с аналитическими считается фактом синтаксиса, а не морфологии;

(б) все А- и Па- формы причастий трактуются как словоизменительные (СИ-), а парные соотносительные синтетические личные ГФ – как СО-; непарные ГФ – тоже как СО-; аналитические ГФ выводятся за пределы морфологии (А. Б. Шапиро, А. М. Финкель, М. В. Панов);

(в) все члены А / П- пар трактуются как СИ-; к СИ- относятся также непарные (недостаточные) ГФ «*passiva tantum*», при которых имя субъекта чувства ставится в дат. п., а имя стимула чувства стоит в им. п. (*казаться, показаться, чудиться, почудиться, нравиться, понравиться, сниться, присниться*), входящие в дефектную залоговую парадигму

и относимые при таком подходе к П- (И. П. Мучник, И. Г. Милославский); остальные непарные глаголы на *-ся* трактуются как относящиеся к А-.

(г) члены А / П- пар и члены В- / НВ- пар трактуются как СИ-, все непарные ГФ трактуются как стоящие вне залога (В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, П. С. Кузнецов);

(д) члены А- / П- пар, где пассив выражен аналитически (а также все соотносительные друг с другом ГФ А- и П- причастий) трактуются как СИ-; все члены В- / НВ- пар трактуются как СО-; при этом все неактивные ГФ считаются А- (А. В. Исаченко); это и есть самая частая точка зрения (Л. Л. Буланин, А. В. Бондарко, Н. С. Авилова, В. А. Плотнокова и др.), принятая в «академических» грамматиках (АГ) 1970, 1980 и 1989 гг.; при этом в соответствии с различием словоизменения и формообразования (по Бондарко) члены А- / П- пар (в том числе и НВ- / В-), трактуются как формообразовательные (ФО-); а выходящие за пределы таких пар ГФ – как СО-; использование В- ГФ в Па-значении трактуется как СО- средства в СИ- (= ФО-) функции;

(е) члены А- / П- пар трактуются как СИ- (противопоставленные по признаку А- / П-), а все остальные ГФ – как стоящие вне залога (М. М. Гухман, Э. И. Королёв);

(ж) синтетически выражаемые члены А- / П- пар трактуются как СИ- (противопоставленные по признаку А- / П- у личных ГФ и у причастий), а все остальные ГФ – как СО- (В-глаголы) или неморфологические (аналитические ГФ) (Зализняк);

(з) все парные ГФ описываются как СИ-, но лексикализованные – как СО-: ср. частичную лексикализацию П- в *Она хорошо сложена* и полную лексикализацию (непарность) рефлексива в *Он выспался, уселся, борется, здоровается*); безаффиксные непарные ГФ считаются стоящими вне залога (В. Г. Гак);

(и) все глагольные З- ГФ (простые, П- и В-) считаются ФО-, но при этом все выходящие за пределы оппозиции «А- / П-» считаются при этом, кроме того, лексикализованными (= СО-).

III. Сколько залогов в русском языке?

Наиболее известны 3 трактовки:

(а) бинарная: Д- vs. Стр- (Д. Н. Овсянко-Куликовский, С. И. Карцевский, Исаченко, Буланин, Бондарко и др.; АГ 1970, 1980, 1989);

(б) бинарная: НВ- (общий / «Д-») vs. В- (НП- / «средний») (Фортунатов, Пешковский, Якобсон, К. А. Тимофеев);

(в) тернарная: Д- vs. Стр- vs. средне-В- (/ «средний / В-») (Г. П. Павский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Виноградов, Кузнецов, Истрина = Грамматика 1952, И. Г. Голанов, Е. В. Падучева, Гак).

Есть и другие трактовки:

(г) бинарная: переходный («Д-») vs. НП- («средний») (В. А. Богородицкий, А. Б. Шапиро, А. М. Финкель);

(д) тернарная: «бесподлежащий» (= Б-) vs. «действительно-подлежащий» vs. «страдательно-подлежащий» (Б. Д. Рабинович);

(е) квартернарная: «Д-» vs. «Стр-» vs. «средний» (= непереходный) vs. «Б-» (А. И. Моисеев).

(ж) пентарная: «действенный» (= «Д-») vs. «Стр-» vs. «средний» (= НП-) vs. «отложительный» (*боюся, тружусь*) vs. «общий» (совмещающий значение Д- и Стр-) (Мелетий Смотрицкий);

(з) секстарная: «Д-» (/ «переходящий») vs. «В-» vs. «взаимный» vs. «средний» (/ «непереходящий») vs. «Стр-» vs. «общий» (совмещающий значение Д- и Стр-: *бояться, надеяться, стараться, смеяться, резвиться*) (М. В. Ломоносов); термин «взаимный» восходит к грамматике Г. В. Лудольфа.

Категориальный статус инфинитива

П. А. Лекант

Московский государственный областной университет

Категориальность, потенциальность, модальность, изменяемость

Summary. Infinitive is the verbal category with its own grammatical meaning of potential action.

В современных грамматических учениях инфинитиву отведена скромная роль исходной формы глагольной парадигмы, т. е. предполагается некая универсальная противопоставленность инфинитива всем другим формам этой самой парадигмы, включая спрягаемые и неспрягаемые (в том числе «бесформенное» деепричастие). Понятие «глагольная парадигма» весьма расплывчато, особенно с учетом неопределенности статуса причастия и деепричастия. «...Границы глагольного слова широки, но еще не вполне ясны» (В. В. Виноградов). Определение инфинитива как формы не имеет никакого грамматического смысла.

Непродуктивна и характеристика инфинитива в отношении основных глагольных категорий – наклонения, времени, лица: их инфинитив не имеет, как и их формальных показателей.

В определении статуса инфинитива нужно отказаться от грамматических предассудков: 1) от поисков родства (в том числе генетического) с отглагольным существительным: инфинитив «окончательно отглаголился» (А. А. Шахматов); 2) от утверждения неизменяемости инфинитива: он имеет формы вида и залога (*решать, решает, решиться*), участвующие в представлении модальных и темпоральных значений на синтаксическом уровне; 3) от признания «безличности» инфинитива (А. М. Пешковский): «отношение к лицу потенциально заложено в форме инфинитива» (В. В. Виноградов).

Формальный облик инфинитива, характеризующийся отсутствием показателей лица, определяет его статус в системе русского глагола. Инфинитив – это глагольная **категория** с собственным грамматическим значением потенциального действия.

Потенциальность – категориальное значение инфинитива, которое ставит его в отношении оппозиции с категорией наклонения. Модальная семантика наклонения «реальность – ирреальность» коррелирует с потенциальностью инфинитива как с модально нейтральной: в инфинитиве «нет ни малейшего указания на то, реальным или нереальным считает говорящий данное действие» (А. М. Пешковский).

Синтаксическое употребление инфинитива или реализует потенциальность действия (инфинитивное предложение с обозначением потенциального деятеля: *Скоро мне без листов холодет* – С. Есенин), или преодолевает потенциальность, представляет протекающее действие (напр. зависимый инфинитив при фазисных глаголах: *В зале начали волноваться; К вечеру стало подмораживать; Мы продолжали спорить*), необычайно разнообразна семантика инфинитивных конструкций с лексическими модальными средствами (ср.: *Я сегодня имел подлость убить вот эту чайку* – А. Чехов; *Угораздило тебя уехать; Мне надоело неть* и т. п.).

Актантные свойства русских отглагольных существительных

А. Г. Пазельская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Русские отглагольные имена, залог, декаузативность, агентивность

Summary. This paper discusses actant patterns in Russian deverbal nouns. Russian deverbal nouns, derived from transitive verbal stems, can have both causative and decausative meanings, only causative meaning, only decausative meaning, as well as reciprocal and reflexive meanings. Deverbal nouns share with verbs the constraint on decausativization of manner verbs, but also have their proper constraint on decausativization of verbs with overtly marked causativity.

Традиционно указывается, что отглагольное существительное не различает залогов, т. е. способно соотноситься как с переходным глаголом, не различая активной и пассивной перспективы, так и с рефлексивными и декаузативными глаголами (не говоря о более редких реципрокальных и рефлексивных) – см., например, [1, 105]. Под этим обычно подразумеваются две вещи: во-первых, неразличение «собственно залога», т. е. актива и пассива: *строительство дома рабочими* можно сопоставить и с *Рабочие строят дом*, и с *Дом строится рабочими*. Во-вторых, неразличение актантных дериваций, а именно двухактантной переходной каузативной ситуации и одноактантной непереходной декаузативной: *разрушение* от *разрушать* и *разрушаться*. В настоящей работе на материале более чем двух тысяч отглагольных существительных на *-ни(е) / тн(е)* и более полутора тысяч имен ситуаций, образованных другими способами, проверяется справедливость этих утверждений.

С неразличением залогов у отглагольных существительных нельзя не согласиться: актив и пассив («коммуникативные ранги», в терминах [6, 58 и сл.]) в отглагольных существительных не противопоставлены. В части актантных дериваций (преобразований состава участников), однако, отглагольные существительные проводят больше различий. Существительные, образованные от переходных глаголов, могут обозначать:

- как каузативную, так и декаузативную ситуации (*разрушение*);
- только каузативную ситуацию (*выполнение плана*);
- только декаузативную ситуацию (*умиление, восхищение, опьянение*);
- возвратную ситуацию («сам себя»): *мытьё, переодевание, возвращение*;
- взаимно-возвратную ситуацию («друг друга»): *общение, пререкание, сближение*.

Набор возможных непереходных интерпретаций отглагольного существительного практически совпадает с набором интерпретаций, доступных для глагола на *-ся* и описанных в [7], кроме интерпретации «постоянная характеристика», «свойство деятеля», как в т. н. глаголах «обобщенного объекта»: *Можете погладить собаку, она не кусается*. Это наблюдение рождает гипотезу, что для каждого отглагольного имени наличие у него той или иной непереходной интерпретации коррелирует с наличием деривата на *-ся* с таким же значением у соответствующего глагола. Такой параллелизм наблюдается только у возвратных и взаимно-возвратных существительных. Ограничения на такие значения, по-видимому, формулируются скорее в терминах тематических групп глаголов, и потому корреляция наличия возвратного или взаимно-возвратного значения у имени и наличия *-ся*-деривата с таким же значением и у глагола весьма ожидаема.

Однако уже для имен с каузативной и декаузативной семантикой неверно, что для каждого конкретного глагола наличие деривата на *-ся* гарантирует возможность непереходной интерпретации соответствующего отглагольного имени, а значение этого *-ся*-деривата жестко предопределяет тип непереходного значения имени. Например, у глагола *осветить* есть декаузативный дериват *освещение*, но существительное *освещение* имеет исключительно каузативное значение. Поэтому, в частности, нельзя считать, что отглагольное существительное в двух своих разных значениях, каузативном и декаузативном, образовано от разных глаголов: имя в декаузативном значении соотносится с глаголом с постфиксом *-ся*, а имя в каузативном значении – с исходным неизменяемым глаголом.

Тем не менее, в целом мы полагаем, что условия на декаузативацию в глаголах, описанные в [2], [3] и особенно в [5], релевантны и для существительных. Главное, что может по-

мешать отглагольному существительному приобрести декаузативное значение – наличие агентивно ориентированных компонентов в семантике. Действительно, если ситуация определяется прежде всего не результатом, а способом своего осуществления, то устранить из нее действующего субъекта практически невозможно (ср. тж. деление на глаголы способа и глаголы результата в [9], [8], [4, 48–49]). Это обобщение верно предсказывает, что *разрушение* или *увеличение* имеют как каузативное, так и декаузативное значения, а *подметание* или *вытирание* – только каузативное.

Однако этот фактор не объясняет отсутствия декаузативного значения у многих существительных, образованных от типичных глаголов результата, как, например, *освещение* или *сажание*. В данном случае дело в том, что из значения существительного невозможно устранить уже не действующий субъект, а сам компонент каузации, поскольку он явно выражен в словообразовательном составе глагольной основы: суффиксом *-и-* (и, возможно, частично приставкой *о-*) в *осветить* и суффиксом *-а-* в *сажать*. От основы, содержащей настолько явное указание на каузативность, невозможно образовать декаузативное значение – по крайней мере, без дополнительной поддержки, которая в глаголах оказывается морфемой *-ся*.

Что же касается существительных с только декаузативным значением (*сплетение* (*нитей, корней*), *умиление*, *скрепление*, *переворот*, *тревога*, *плен*), то они вместе с каузативным компонентом теряют вовсе и событийную составляющую, обозначая лишь результирующее состояние. Процесс этот недостаточно продуктивный, чтобы можно было выявить какие-то способствующие или препятствующие ему факторы.

Типология категории числа имени существительного (на материале русского, украинского и английского языков)

В. И. Перебейнос, Т. В. Бобкова

Киевский национальный лингвистический университет (Украина)

Грамматическая категория, количество, число, форма, имя существительное, единственное число, множественное число

Summary. The number is an inherent feature of the noun reflecting the philosophical category of quantity. Comparison of Ukrainian, Russian and English shows that nouns denoting the same object may have different number characteristics in these languages. While teaching a foreign language this fact must be taken into consideration.

Категория числа во флективных языках свойственна таким частям речи, как существительное, прилагательное, порядковое числительное, местоимение и глагол. Для имени существительного и личных местоимений число – это морфологическая категория, а для других частей речи – синтаксическая. В английском языке категория числа присуща только имени существительному, местоимению и глаголу, поскольку прилагательные, порядковые числительные и все местоимения, кроме личных, формы числа не имеют.

По отношению к категории числа существительные делятся на несколько групп:

а) имеющие форму как единственного, так и множественного числа, таких существительных в языке большинство;

б) имеющие только форму единственного числа (*Singularia Tantum*);

в) имеющие только форму множественного числа (*Pluralia Tantum*);

г) имеющие только форму единственного числа, а при употреблении в форме множественного меняющие свое значение (*вода – воды*);

д) соответствующие множественному числу по форме, но согласующиеся с глаголом и в единственном и во множественном числе (*news*);

е) соответствующие единственному числу по форме, но согласующиеся с глаголом и в единственном и во множественном числе (*family, police*);

ж) соответствующие множественному числу по форме, но согласующиеся с глаголом в единственном числе (названия игр, например: *Cards is a popular game*).

Исследование категории числа имени существительного в языкознании проводилось по таким аспектам:

1. Связь числа имени существительного с его семантикой.

2. Особенности отображения философской категории количества формой числа существительного.

3. Структура категории числа. Наиболее простая структура категории числа – бинарная, т. е. противопоставление

Таким образом, рассмотрение преломления состава участников ситуации в отглагольных существительных показывает, что в них действуют те же факторы, которые обуславливают подобные операции в глаголах, плюс некоторое количество специфических для отглагольных существительных преобразований.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
2. Гаврилова В. И. К вопросу о выражении диатезы «объектный квазипассив» в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978. С. 203–208.
3. Гаврилова В. И. Квазипассивная конструкция в системе залоговых противопоставлений русского глагола // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 26–40.
4. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
5. Падучева Е. В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
7. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
8. Kratzer A. Severing the External Argument from its Verb // Phrase Structure and the Lexicon / Eds. J. Rooryck, L. Zaring. Dordrecht, 1996. P. 109–137.
9. Rappaport Hovav M., Levin B. Building verb meanings // The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors / Eds. M. Butt, W. Geuder. Stanford, 1998. P. 97–134.

единственного числа и множественного, она является наиболее распространенной.

4. Происхождение и развитие категории числа существительного. Формы двойственного и тройственного числа считаются предрасположенными к исчезновению, т. е. к слиянию с единственным или множественным числом.

5. Стилистические особенности употребления числа существительного.

6. Функциональные характеристики категории числа.

7. Сопоставительно-типологический аспект.

В данном сообщении рассматривается типологический аспект: сопоставляется категория числа существительных английского, русского и украинского языков, при этом исходным языком является английский. Исследовались существительные, входящие в реестр англо-украинского учебного словаря второго уровня, соответствующего среднему этапу обучения английскому языку.

При сопоставлении языков в отношении реализации категории числа теоретически возможны 25 случаев:

I. Во всех языках формы существительных одинаковы (свыше 92%).

II. Русский и украинский противопоставляются английскому (7%).

III. Украинский и английский противопоставляются русскому (0,21%).

IV. Русский и английский противопоставляются украинскому (0,45%).

V. Все языки противопоставлены один другому (единичные случаи).

Не все теоретически возможные случаи встретились в исследованном материале. Возможно, это объясняется ограниченным количеством существительных в учебном словаре и привлечение к анализу более полных словарей ликвидирует эти лакуны. Как показывают количественные характеристики, наибольшую группу составляют существительные, формы числа которых совпадают во всех языках. Степень бли-

зости двух славянских языков, как и следовало ожидать, выше, чем любого из них и английского. При этом интересно, что степень близости русского и английского языков хоть и незначительна, но вдвое выше степени близости украинского и английского.

Сопоставляя разные языки, необходимо учитывать такие моменты:

1. Определение общности или отличия реализации категории числа в разных языках зависит от перевода существительного исходного языка. Например, английское существительное *net* переводится на русский как а) *сеть, сетка* (украинский – *сiть, сiтка, мережа*) и б) *тенета, сети* (украинский – *тенета*). Если сопоставлять английское существительное *net* с первым переводом, то для всех трех языков характерно и единственное и множественное число, тогда, как при сопоставлении *net* со вторым переводом, устанавливается две группы языков: русский и украинский – только множественное число, английский – множественное и единственное.

2. Установление общности или отличия реализации категории числа в разных языках зависит от разных значений английского слова. Например, слово *glass* имеет три значения в русском языке: а) *стекло* (украинский – *скло*) (вещество) употребляется только в единственном числе, б) *рюмка, стакан* (украинский – *чарка, стакан*) употребляется в единственном и множественном числе, в) *очки* (украинский – *окуляри*) употребляется только во множественном.

Итак, при сопоставлении форм числа существительных в разных языках следует опираться не на значение слова в

реестре словаря, а на значения его лексико-семантических вариантов.

3. В английском словаре довольно значительное количество существительных имеет пометки «uncountable» и «countable», это означает, что данное существительное может иметь как обе формы числа, так и только форму единственного числа, при этом исчисляемые существительные большей частью обозначают сорта, разновидности вещества (*wine – wines, вино – вина*) или единичные предметы. Например, существительное *carrot* как неисчисляемое (uncountable) переводится на русский язык как *морковь* (украинский – *морква*) и во всех трех языках имеет только форму единственного числа. Как исчисляемое (countable) это существительное в английском языке употребляется с неопределенным артиклем и переводится на русский как *морковка* (украинский – *морквина*).

4. Для всех трех языков характерно, что существительные Singularia Tantum, обозначающие вещества, могут иметь форму Pluralia Tantum с изменением значения исходного слова (*water – вода и waters – воды*).

Чем вызвано расхождение в разных языках формы числа существительных, обозначающих один и тот же предмет? Навряд ли это зависит от принадлежности к группе славянских или германских языков, поскольку наблюдается разная реализация этих форм в обеих группах языков. Можно предположить, что реализация категории числа существительного зависит от картины мира, созданной носителями разных языков и отображенной в этих языках.

Синтагматическая реализация парадигмы несклоняемых имен

И. В. Приорова

Астраханский Государственный Университет

aspu@aspu.ru, irinapriorova@yandex.ru

Несклоняемость, парадигматика, синтагматика, грамматическая форма, грамматическое значение

Summary. There is a precise interaction of paradigmatic and syntagmatic relations in system of indeclinable names. The morphological embodiment of grammatical function of indeclinable names is expressed not formal but with the help of syntagmatic models.

Традиционное представление о том, что морфологическое воплощение семантико-грамматической функции слова может быть непосредственным в большинстве случаев сводится к тому, что для непосредственного выражения грамматического значения используется грамматическая форма сама по себе, выражая определенную семантико-грамматическую функцию, без дополнительных указаний. В опосредованном воплощении «...семантико-грамматическая функция выражается позиционной формой, которая никакой семантико-грамматической информации с собой не несет. Чтобы раскрыть имплицитную такую формой в речи семантико-грамматическую функцию, нужен вспомогательный интерпретационный механизм» [Кацнельсон 2002, 201]. Для выделения природы такого механизма наиболее показательным, на наш взгляд, является взаимодействие парадигматических и синтагматических отношений в системе несклоняемых имен.

Придерживаясь того, что «...отношения между формой и содержанием в грамматике противоречивы не только в том смысле, что одной грамматической функции может соответствовать несколько форм, и, напротив, одной грамматической форме может соответствовать несколько функций... и что не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка», мы на примере несклоняемых имен можем проследить, как «грамматические категории оказываются, с такой точки зрения, запрятанными в значениях слов и синтаксических связей слов в предложении» [Кацнельсон 2002, 82].

Принимая во внимание особенности «скрытой грамматики», т. е. «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов...» [Кацнельсон 2002, 78], для нас первоочередным является все же синтаксический анализ. Имплицитные грамматические значения несклоняемых имен эксплицируются через возможные синтагматические модели достаточно продуктивно. Хотя идея скрытой грамматики через семантический компонент последовательно отражалась в работе Л. В. Щербы, датированной еще 1924 г. «О частях речи в русском

языке», где подчеркивалась важность семантического фактора для рассматриваемой проблемы: «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что **какаду** – название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное» [Щерба 1957, 66]. Таким образом, конечно можно признать доминирующую роль смыслового фактора, который сказывается и в том, что при некоторых обстоятельствах язык обходится без звукового обнаружения категории ([Кацнельсон 2002, 80]) и в том, что внешняя морфология обусловлена внутренней формальностью языка. Звуковое обнаружение или необнаружение форм вытекает из необходимости объективизировать мысль. Но скорее эти подходы нужно дифференцировать с точки зрения линейности и ассоциативности отношений в системе языка.

Поэтому парадигматику и синтагматику у несклоняемых имен нельзя рассматривать как «чистые отношения», взятые сами по себе, «...а отношения единиц... для которых одновременное включение в синтагматические и парадигматические отношения совершенно обязательно, т. к. они не могут быть вне системы (т. е. вне парадигматики) и вне ее возможностей ее речевой реализации (т. е. вне синтагматических отношений)» [Валимова 1981, 4].

Но для нашего понимания морфологической категории несклоняемого слова существен не способ выражения как таковой, а соотношение функционального содержания категории с ее внешним выражением. Парадигматические нагромождения, вносимые синтетической морфологией в строй языка, особенно наглядно проявляются в морфологической категории падежа, где они выступают в виде серий словоформ существительных. Но особенно сложная формальная структура русского языка, «...где одна падежная форма обслуживает несколько падежей и, с другой стороны, какой-либо один падеж выражается различными внешними формами в разных классах существительных» [Кацнельсон 2002, 39], на группу несклоняемых слов не распространяется.

В лексико-дистрибутивном плане падежи отличаются свойством тотальности. Образуются от любого имени существительного, в русском падежном языке встречаются существительные, которые либо совершенно не склоняются, как ассимилированные заимствования *боа, реноме, пари*, либо имеют неполную парадигму склонения, как русское *мечта*...

Для несклоняемых имен, так же как и для склоняемых, морфологические категории – это не двусторонние языковые единицы, легко распадающиеся на «означающее» и «означаемое». Формы слов, обладающие категориальной функцией числа и падежа, выступая в функции согласования с несклоняемым словом, становятся подсобным средством для образования синтаксических форм, реализуя, таким образом, их скрытую парадигму, а это в свою очередь определяет явную синтагматическую функцию.

Для несклоняемых имен скрытые категории – это подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке. Из сказанного, однако, не следует, что скрытые категории вообще никакого звукового выражения не имеют, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а синтагматически, «окольным путем», при посредстве слов и словесного контекста. То, что «...не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматические оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий» [Кацнельсон 2002, 83] является неоспоримым

фактом, что парадигматика и синтагматика неразрывнее у несклоняемых имен, чем в склоняемых именах, т. к. одно без другого просто не существует.

Функционирование слов в процессе речевой деятельности обусловлено их грамматическими свойствами. Сочленение слов в предложении и расчленение предложений на слова в актах речеобразования и восприятия речи неизменно совершается в опоре на грамматические свойства лексических единиц. Однако из всех разновидностей звукового выражения грамматических форм выхватывается словоизменение, которому приписывается роль едва ли не важнейшего конструктивного фактора. Имена определяются как слова склоняемые, глаголы – как спрягаемые, наречия – как неизменяемые.

Сталкиваясь же «с исключениями из этих фактов, традиционная грамматика либо молчаливо отмечает их, либо же конструирует из них особую часть речи. Так, в грамматиках русского языка отмечается существование группы несклоняемых существительных (*пальто, эму, боа*)...» [Кацнельсон 2002, 129], (которую мы назвали бы скорее подсистемой) и она заслуживает всестороннего анализа. Взаимодействие линейных и ассоциативных отношений, реализуемых через их парадигматические свойства и синтагматические возможности проявляются в момент функционирования, хотя в целом парадигматика и синтагматика несклоняемых имен не могут быть сведены друг к другу. Их следует рассматривать как различные группы закономерностей, необходимых речи.

Потенциальное и окказиональное в грамматике

Е. Н. Ремчукова

Российский университет дружбы народов, Москва

Неузуальные формы, творческие типы русской речи, система и узус

Summary. In the report is examined the functioning of potential and occasional grammatical forms in creative types of Russian speech.

В последние годы внимание грамматистов все в большей степени концентрируется на взаимодействии языковых элементов и «среды», которое может быть представлено как комплекс «языковая система – функционирование ее элементов в речи» и грамматическая наука все чаще «вторгается» в живые языковые процессы, для которых характерны разного рода инновации. Именно такой подход («язык in potentia, а речь – in praesentia», по И. А. Бодуэну де Куртэне), предполагающий последовательное исследование двух диалектически связанных объектов – языковой системы и речевой деятельности, позволяет наглядно продемонстрировать, что только «благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей» (Г. А. Золотова).

Выход за пределы конкретных разновидностей речи позволяет выявить совокупность ее типов, для которых характерно творческое использование языковых средств. В разговорных, поэтических, публицистических, художественно-публицистических, эпистолярных, научно-популярных и рекламных текстах с их жанровыми разновидностями (интервью, заголовки, слоганы и др.) обнаруживается общий набор не только узуальных, но и неузуальных средств выражения грамматических значений, что дает возможность соотносить русскую грамматику, обладающую уникальными выразительными средствами, и речевую деятельность во всем многообразии речевых практик.

Творческие типы речи имеют общие морфологические черты креативности, которые обусловлены системным потенциалом грамматических категорий, с одной стороны, и намерениями и возможностями говорящего, обладающего правом выбора не только регулярных, но и нерегулярных (и именно по этой причине выразительных) средств, с другой. Способность грамматической системы провоцировать определенные употребления, отсутствующие в узусе или мало востребованные в нем, связана с тем, что элемент структуры далеко не всегда находит выражение в норме речи. Это вынуждает говорящего постоянно находиться в поиске ресурсов плана выражения. Так, коммуникативно обусловленное расширение сферы возвратности продуцирует образование потенциальных возвратных глаголов (*Вот так*

сталося и все; Если бы вы мне не напомнились – я бы об этом забыла; Я сегодня маникюрюся и т. п.). Легкость образования подобных форм дает возможность говорить о высокой продуктивности процесса «соскальзывания в возвратность» – регулярном образовании в речи неузуальных глаголов с постфиксом *-ся*. Наблюдения над фактами живой, творческой речи позволяют выявить активные процессы в области категории залога, например, употребление отсутствующих в норме пассивных причастий прош. вр. от переходных (*полюбленный, исцеленный*) и непереходных глаголов СВ и НСВ (*звонимый*).

Языковая норма – стандартные, стабильные реализации системных отношений языковых единиц, отраженные кодификацией как каноны, с одной стороны, и языковой узус – реальное и общепринятое для различных сфер речевого общения функционирование языковых единиц – с другой, находятся в сложных взаимоотношениях с системой языка, так как между ними всегда имеются большие или меньшие расхождения. Узуальные слова и грамматические формы противопоставлены неузуальным – потенциальным и окказиональным. В то же время важно отметить, что границы между узуальными и потенциальными, а также потенциальными и окказиональными формами и словами не всегда представляются четкими: потенциальные образования (предусмотренные и обусловленные системой), с одной стороны, повторяясь, переходят в разряд узуальных, с другой (обращающиеся в индивидуально-авторском контексте иную семантику и эстетическую или экспрессивную функцию) – в разряд окказиональных.

Так, наблюдения над фактами современной речи свидетельствуют о том, что вид – категория, которая продолжает развиваться, совершенствуясь при этом главное – технику видообразования с целью более точного и экспрессивного выражения речевого смысла. Отчетливо выраженная тенденция к регулярной корреляции обуславливает развитие видовой парности, определяет высокую продуктивность процессов имперфективации и перфективации в речи, что способствует созданию потенциальных глаголов совершенного и несовершенного вида (например, востребованные в речи имперфективы *разлюбливать, научиваться, любить*). Процесс легализации в речи потенциальных приставочных

глаголов, образованных от двувидовых основ, системно обусловлен возможностями русского глагольного словообразования (*проаннотировать, саккумулировать, прослонсировать, организовать* и т. п.). В то же время при образовании видовой пары мы сталкиваемся и с явлениями, не претендующими не только на статус нормативных (ни с точки зрения словаря, ни с точки зрения узуса), но и потенциальных: подобные индивидуально-авторские инновации имеют окказиональный характер и присущи тем речевым сферам, для которых характерно ярко выраженное творческое начало.

Неузальные грамматические формы широко востребованы всеми творческими типами речи, например, в поэзии постмодернизма они имеют частотный характер, что обусловлено той ситуацией языкового конфликта, которая культивируется постмодернистским сознанием. В разговорной речи даже на уровне бытового общения грамматика активно участвует в таком типе языковой игры, в основе которого лежит «примитивный» прием расширения парадигмы за счет вариативных, но неузальных форм. Реальностью современной речи стали «несанкционированные» компаративы: говорящий легко преодолевает ограничения, связанные с возможностью образования необходимой синтетической формы – более компактной и выразительной, чем аналитическая: *Вечней вражды арабов и евреев борьба народа с властью; Герой должен быть шире, общее, чем просто актер* («Огонек». 2003).

У неправильной, но употребительной грамматической формы постепенно складывается свой ассоциативный потенциал, свои устойчивые стилистические коннотации, и в отдельных случаях они придают ей характер речевой идиомы. Такие потенциальные грамматические формы превратились в морфологические штампы, получив статус солецизма: *никаких мечт; надежов не знает; всего и делов-то; мы академиев не кончали*. В роли таких своеобразных клише могут выступать не только «классические» грамматические ошибки, но и инновации, «одобренные» узусом: *его поступили в институт; его ушли; на что это вы намёкиваете; что-то там наблюлось; это нам не вляет; она его в себя влюбила* и т. п. Статус солецизма приобрела в современной речи и несупплетивная форма мн. ч. существительного *человек – человеки*, связанная с «игнорированием» супплетивизма – стремлением к унификации форм ед. и мн. ч., что сопровождается противоречивой оценочностью, при которой стандартная и нестандартная формы мн. ч. развивают своеобразную оценочную энантиосемию: *Люди – это плохо соображающая масса, а избранные – это человеки*. Все это свидетельствует и о возможной лексикализации этой формы, и о ее речевой легализации.

Таким образом, специфику образования и функционирования нестандартных, потенциальных и окказиональных форм определяют системно обусловленные связи собственно морфологических значений с лексическими, словообразовательными и синтаксическими значениями.

Морфология защищается

Т. В. Тукова

Донецкий национальный университет (Украина)

Аналитизм, синтетизм, синтиагматика, типологические изменения

Summary. The basis of the article is the statement of prematurity of the decision about evolutionary – typological changes in the contemporary Russian language to the side of analytisation. The decision is built on the analysis of the powerful syntagmatical potential of the language of the synthetical type.

Эпоха глобализации отразилась в русском языке не только появлением новых слов и выражений, но и, как утверждают некоторые лингвисты, активизацией такого маргинального для русского языка явления как аналитизм (см., напр., работы М. Я. Гловинской, Е. А. Земской, Н. Е. Ильиной, Н. С. Валгиной). Однако активное использование этого термина еще не означает однозначности его понимания. Подробно описывая языковые факты, относимые к аналитическим, авторы часто не дают теоретического обоснования этого понятия. О. П. Суник отметил, что такого особенного многих общеизвестных понятий нашей науки: термином пользуются все; значение термина интересует сравнительно немногих; что же касается понятия, связанного с термином, и особенно его научного определения, то это до поры до времени мало кого интересует вообще.

Обсуждение проблемы аналитизма – это обсуждение вопроса не о языковом значении, а о языковой технике. Разнообразие единиц часто кладется в основу определения аналитизма на разных уровнях языковой системы. Вслед за И. А. Мельчуком считаем некорректным сочетание «аналитическое слово» (ср. *грузовой автомобиль – грузовик, дать оценку – оценить*). В строгом терминологическом употреблении «аналитический» возможен только в составе выражения «аналитическая форма», а употребление его в других выражениях приблизительны, метафоричны и потому не могут претендовать на логическую точность. Выяснение же объема понятия «аналитическая форма» предполагает учет уровня компенсации грамматически недостаточной информации. «Аналитическая форма есть не что иное, как выражение ЗА ПРЕДЕЛАМИ словоформы одного из ее морфологических значений» – указывает И. А. Мельчук. Различное понимание этих «пределов» легло в основу широкого и узкого толкования аналитизма в морфологии. В середине XX в. в монографии «Русский язык и советское общество» было дано достаточно неопределенное указание на особенности передачи грамматического значения вне пределов данного слова – «средствами контекста (в широком смысле слова)». Его подхватили исследователи русского языка конца XX – начала XXI в., все реже упоминая вопрос о слу-

жебном компоненте, а рост аналитизма описывая, как правило, на примерах синтагматического выражения грамматических значений морфологически ущербных слов, например, неизменяемых существительных, аббревиатур и под. Компенсация их грамматической ущербности в выражении грамматизированных значений рода, числа и падежа происходит как на уровне словосочетания при согласовании с прилагательными, местоимениями, порядковыми числительными, причастиями (ср. *вкусные киви, наше РИА, первый йети, интригующее видео*), так и на уровне всего предложения при координации подлежащего и сказуемого (*Крутые совершил ошибку; Авокадо осталось лежать на блюде; СМИ объективно освещают события*).

Думается, что такого рода факты служат свидетельством не усиления аналитизма в русском языке современной эпохи, а показателем устойчивости его флективного строя, т. е. грамматические значения анализируемых слов выражаются аффиками иных слов в синтагме, а не служебными словами, которые должны присутствовать в аналитических морфологических конструкциях как обязательные, регулярные и воспроизводимые компоненты формы. Типичные для русского языка аналитические служебные компоненты легко присоединяются ко вновь возникающим в языке словам, создавая семантически неразложимые сочетания при передаче определенных грамматических значений: *будут лоббировать, пусть ксерит, женщина-камикадзе, одно турне, к Плачидо Доминго* и проч. В работах грамматистов, занимающихся исследованием аналитизма, в отличие от работ лингвистов, исследующих общие процессы в языке на всех уровнях, делается упор на обязательном наличии служебных слов, которые выражают грамматические значения не отдельно, а только в совокупности со знаменательным словом. Многие языковеды еще в 60-х годах XX в. Говорили о десемантизации служебного компонента. Однако А. А. Колесников специфику служебного компонента видел не в утрате лексического значения («десемантизации»), а в его своеобразной «пересемантизации», в приобретении им регулярной функциональной направленности на обозначение иных сущностей: вариантных свойств и связей референтов

опорных в сочетании слов, принадлежащих к определенным частям речи. Такой вывод делается им на основании убежденности в том, что «нельзя смешивать лексичность значения и функциональную зависимость этого лексического значения в определенных синтагматических построениях». Т. Б. Астен отмечает: «Аналитическая форма может быть определена как целое, семантически неразложимое словосочетание полнозначного и служебного компонентов, стремящееся к максимальной грамматикализации служебного элемента и функционирующее в морфологической парадигме наряду с синтетическими формами. Наиболее существенным отличием аналитической формы от других единиц аналитической структуры, считает Е. В. Дубова, является образование по универсальным аналитическим формообразующим, в которых форматив имеет исключительно грамматическое предназначение.

Наблюдения над корпусом издавна имеющихся в русском языке служебных компонентов показывают, что их круг в последнее время не изменился, не возникли новые построе-

ния, в которых при передаче грамматикализованных значений наряду с синтетическими формами регулярно и обязательно возникали бы новые «пересемантизованные» служебные компоненты. Расширился лишь круг слов в русском лексиконе конца XX – начала XXI в., который в силу действующего в языке закона системности включается в аналитические конструкции, передающие грамматически выраженную в языке информацию расчленено: *будет мутировать, пусть люмпенствуют, кучковался бы, женщина-курьер, одно СП, для яппи, более конкурентоспособный, самый консервативный, более спекулятивно* и проч. Как видим, появление принципиально нового типологического признака не зафиксировано, следовательно, говорить о каких-либо эволюционно-типологических изменениях в русском языке преждевременно. При вхождении в грамматическую систему русского языка неизменяемых слов адаптационные процессы проявляются во включении мощного защитного синтагматического механизма, который часто принимают за аналитизацию морфологии.

О принципах классификации слов с грамматической валентностью инфинитива

М. С. Фильцова

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского, Симферополь (Украина)

Синтаксические позиции инфинитива, функциональное описание языка, словари активного типа

Summary. The article deals with the study of Russian Infinitive and lexicographical presentation of it in the interests of teaching Russian as a foreign language.

1. Несмотря на то, что категория инфинитива и его сочетаемостные возможности неоднократно привлекали внимание исследователей, они по-прежнему нуждаются в лингвистической и методической интерпретации. Синтаксическая структура словосочетания, как известно, в значительной степени является отражением различных свойств лексических единиц, из которых она складывается, а большинство словосочетаний строится не на основе управления, а на основе «синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению» [6].

2. Заключение, сделанное исследователем, представляется весьма важным при описании русского языка в интересах преподавания его в качестве иностранного. Известно, что в процессе речевой деятельности существует постоянное соотношение смысла высказывания и его языковой формы. Данное соотношение не произвольно, а подчинено строгим законам, которые в лингвистическом сознании носителя языка присутствуют в имплицитированном виде. В практике преподавания РКИ возникает необходимость эксплицировать эти правила, сделать их осознанными. В связи с этим вопрос синтаксической сочетаемости не может быть решен только путем составления исчерпывающего списка моделей обязательной сочетаемости. Он требует также выяснения **причин**, языковых механизмов, обуславливающих возникновение обязательной сочетаемости. Но при всей многочисленности и разнообразии исследований, касающихся сочетаний с зависимым инфинитивом, даже самое полное из них не дает ответа на вопрос: **почему** обязательного примыкания инфинитива требуют именно *эти, определенные* глаголы, *эти, определенные* отглагольные существительные, наречия, краткие прилагательные и т. д.? Когда появляется такая связь? Какая причина – лингвистическая? экстралингвистическая? – заставляет использовать в определенных случаях именно инфинитив? Между тем ответ на этот вопрос мог бы дать, во-первых, возможность строже формулировать некоторые правила употребления, и, во-вторых, облегчить задачу лексикографического представления инфинитива в словаре активного типа, содержащем информацию не столько для понимания, сколько для порождения текстов. Это представляется особенно необходимым для изучающих русский язык как неродной. Характеристика же сочетаемостных свойств инфинитива, даваемая до сих пор, не может вполне удовлетворить нас, т. к. сделана с позиций описательной лингвистики, носителями языка для носителя языка, и потому не имеет объясняющей силы. Необходимо найти принципы другой классификации, соответствующей

функциональному описанию языка в целях преподавания его как иностранного.

3. Анализируя взаимоотношения инфинитива с личными глаголами, с прилагательными и существительными, мы можем наблюдать, что в семантике опорного слова отчетливо видны модальные значения возможности, невозможности, необходимости, долженствования, волеизъявления модальности, а также разрешения, запрещения и эмоциональной оценки (этическая, эстетическая, оценка целесообразности). Сходную классификацию дает А. А. Бондарко, который отмечает, что инфинитив часто характеризуется лексически или синтаксически выраженной волеизъявительной модальностью, модальностью возможности-невозможности, долженствования и другими модальными значениями. Н. Д. Арутюнова называет модальные, фазовые глаголы, глаголы речи, мысли, чувства, волеизъявления, т. е. те, которые имеют обязательную валентность инфинитива, интенциональными глаголами, противопоставленными по своим семантико-синтаксическим свойствам глаголам конкретного физического действия. А. Вежицка считает, что все многообразие модальных значений может быть сведено к одному, которое в этом случае рассматривается как элементарное, входящее составной частью в другие модальные значения, трактуемые как производные. Эта теория носит название «семантических примитивов». Согласно этой теории, в основе модальных значений возможности, невозможности, необходимости, долженствования, запрещения, разрешения лежат модальные значения «хочу» и «не хочу». Остальные значения автор трактует как производные. Это согласуется с выводами Ю. Д. Апресяна об элементарности значений возможности и желания. Значения категоричности, приказа, просьбы, совета, приглашения, рекомендации, запрещения, т. е. элементы субъективно-экспрессивного отношения говорящего к реализации действия, также сводятся к этим двум основным модальным значениям.

5. Все это подводит нас к мысли о том, что вряд ли причины, обуславливающие сочетаемостные свойства инфинитива, можно объяснить только с позиций традиционной лингвистики. Толчок к размышлениям дает гениальное прозрение А. А. Потебни: «Неопределенное наклонение глагола... есть **воля** души, выражаемая голосом, являемая речью» [7, 335]. По-видимому, ответ на вопрос «почему именно инфинитив?» следует искать в детерминантах поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний. Конкретное же желание всегда отвечает некоторому более общему жизненному от-

ношению, определяемому потребностями субъекта, которые в свою очередь определяются еще более общими закономерностями биологического и социального развития, и только в этом контексте действие может получить свое действительно причинное объяснение.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

3. Бондарко А. А. Функциональная грамматика. Л., 1984.
4. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990.
5. Вежибица А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
7. Потемба А. А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 1–2. М., 1953–1977.
8. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

Субъективная экспрессия глагольных форм будущего времени

Т. Е. Шаповалова

Московский государственный областной университет

Субъективная экспрессия, перфективная семантика, категория синтаксического времени, временная определенность и временная неопределенность, перфективное значение синтаксического времени

Summary. Verbal forms of perfect semantics that contain the result of either a preceding action or an extreme state, which has transferred to the new quality, have a subjective expression.

1. Становление лингвистической семантики – означаемого – побуждает осмыслить роль грамматической формы (системы и структуры) – означающего – в едином научном познании языка и речи. В функционально-семантическом поле темпоральности должно найти свое место синтаксическое значение, представляющее собой отражение того или иного фрагмента объективной действительности.

2. В категории синтаксического времени означаемое – это отношения одновременности / разновременности, означающее же – интонационно-синтаксические, морфолого-синтаксические, лексико-синтаксические, конструктивно-синтаксические средства языка. Связь означаемого и означающего есть сущность категории синтаксического времени. Как единство означаемой и означающей сторон категория синтаксического времени функционирует только на синтаксическом уровне – в предложении – и характеризуется оппозицией временной определенности и временной неопределенности. Временная определенность представлена формами индикатива. Как показывает обследованный нами материал, частные значения глагольных временных форм следует рассматривать при их функционировании, то есть как факты синтаксической системы, как значения синтаксические.

3. По нашим наблюдениям, субъективной экспрессией обладают глагольные формы перфективной семантики, не раз служившей предметом лингвистических изысканий. Перфективное значение включает состояние (в широком смысле слова), являющееся результатом предшествующего действия либо предельного состояния, перешедшего в новое качество.

4. Отпечаток субъективной экспрессии лежит на употреблении формы будущего времени совершенного вида для выражения решительной, категорической готовности субъекта к действию (В. В. Виноградов), приступа к действию в прошлом: *Вся изба затряслась, затрепетала, а кочеток в сенцах как крикнет дурным голосом, как взвоется да головой трах об стреху* (К. Паустовский); *Подай ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся* (Л. Толстой); *Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеется вдруг...* (И. Тургенев). В подобных контекстах устанавливается план прошедшего перфективного синтаксического времени.

5. Глаголы совершенного вида могут переносить свою перфективную функцию и в будущее время (Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова). В таком случае они обозначают событие, которое наступит в результате предшествующего действия или развивающегося состояния: *В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, – никто этого не заметит* (Н. Гоголь); *И все время, не угасая, его мучила мысль о том, что немецкая атака повторится этой ночью* (Ю. Бондарев).

6. Обнаружить собственно синтаксические перфективные значения будущего времени позволяет и лексическое содержание глагола, и анализ грамматического значения в контексте всего высказывания, причем в темпоральную характеристику включается интенция говорящего.

Части речи и теория формы слова

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет

Классификация, часть речи, слово, форма слова, взаимодействие частей речи

Summary. The report discusses dynamic theory of the Russian language parts of speech, built with the account of their interaction in the process of communication.

Разграничение слова (лексемы) и его формы (словоформы) является основополагающим в системно-функциональном описании языка, поскольку формирует состав собственно лексических единиц и противопоставляемых им морфологических единиц. Кроме того, это разграничение лежит в основе противопоставления словоизменения (формообразования) и словообразования (лексемообразования).

Однако значимость проблемы разграничения слова и его формы не определила ее однозначного решения в лингвистической науке, что во многом было обусловлено разными подходами к определению самого понятия «слово». В частности, неохваченными традиционным понятием словоформы оказались такие образования, как причастия и деепричастия, поскольку состав их грамматических признаков был неоднородным: он включал в себя грамматические значения разных частей речи. Вследствие этого, наряду с традиционным их статусом как особых форм глагола, появилась точка зрения, согласно которой причастие и дееприча-

стие стали рассматриваться как самостоятельные части речи, что, естественно, повлекло за собой изменение их статуса: они стали квалифицироваться как самостоятельные слова. Это нашло отражение в соответствующих теориях частей речи – статической и динамической. Так, разнородность грамматических значений причастия и деепричастия в рамках первой теории оказывается основанием для их квалификации в качестве самостоятельных частей речи, тогда как в рамках динамической теории эта разнородность находит объяснение в языковом механизме взаимодействия частей речи в коммуникативном процессе, а общность их лексического значения с лексическим значением глагола позволяет видеть в них не самостоятельные слова, а формы глагола, функционирующего в разных синтаксических позициях, в частности, в позициях определения и обстоятельства.

В материалах настоящего доклада представлена динамическая теория частей речи. Однако в ее основе лежит несоответствие понятия «часть речи» не с понятием «слово»,

а прежде всего с понятием «тип речи», который может быть расчлененным (членимым) и нерасчлененным (нечленимым). Первый тип представлен высказываниями, заполненными словами. Именно он определяет специфику человеческого общения и его принципиальное отличие от коммуникации животных, представленной нерасчлененными коммуникативными сигналами. Человек также использует такого рода нечленимые высказывания (ср.: междометные), но они оказываются неосновным способом передачи информации в человеческом обществе. Именно по расчлененному типу общения язык определяется как знаковая коммуникативная система человека.

Наличие частей речи можно рассматривать как семантический шифр, позволяющий выделять высказывания, заполненные словами, а их отсутствие – это показатель нечленимых, элементарных коммуникативных сигналов. Поэтому для нас первичной является связь понятия «часть речи» с особым типом речи, а не с понятием «слово». Части речи – это элементы расчлененного типа речи. Только в такой речи можно выделить ее части. В этом случае междометия имеют статус не особых слов, а особых высказываний, то есть понятие слова для них нерелевантно.

В связи с функциональным назначением частей речи в несколько ином ракурсе предстает когнитивная сущность частей речи: они концептуализируют восприятие и отражение действительности посредством языковых структур расчлененного типа. И этим восприятие и отражение мира человеком принципиально отличается от восприятия и отражения мира животными. Отражение мира человеком – предметно-признаковое в своей целостности, а отражение действительности животными – ситуативное.

Вторым следствием из функционального назначения частей речи является то, что споры о характере частей речи могут вестись тогда, когда части речи будут определяться уже как классы слов. Но при этом важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: слово объективирует окружающий нас мир, а форма слова – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому если мы будем связывать части речи с отражением действительности посредством слов, то в классификацию частей речи формы слов не должны включаться. Это не означает, что формы слов не объективируют действительность. Просто для них

она оказывается результатом преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом. Поэтому причастия и деепричастия не должны включаться в классификацию частей речи, если будут признаваться формами глагола. Если же им придается статус самостоятельных слов, то в этом случае они включаются в состав частей речи.

Под «словом» мы понимаем субстанционально (фонетически или графически) и грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленный знак коммуникативной системы человека, связанный с отражением и выражением предметно-понятийной стороны действительности путем ее названия или указания на нее и участвующий в передаче аккумулированной информации на правах элемента высказывания расчлененного (членимого) типа.

С этой точки зрения предлоги, союзы и частицы квалифицируются как несловесные части речи. Если следовать традиционному подходу, когда части речи – это классы слов, то предлоги, союзы и частицы должны быть исключены из состава частей речи, поскольку, строго говоря, не являются словами. При нашем подходе, когда части речи связаны с понятием расчлененной речи, они могут быть включены в состав частей речи, только несловесных, функция которых заключается в том, чтобы способствовать приведению словесных частей речи, определяющих содержание высказывания, в определенный порядок, устанавливая соответствующие отношения между ними.

Понятие же «служебное слово» также представлено в классификации – по отношению к связке «быть». Она, с одной стороны, выполняет служебную функцию, а с другой – имеет морфологическую оформленность и синтаксическую позицию, являясь частью предиката, что свидетельствует о близости к определению понятия «слово». Специфика ее в том, что связка лексична и грамматична одновременно. Для этого слова нерелевантно разграничение лексического и грамматического значений. Именно это обеспечивает «быть» особый статус в системе частей речи русского языка.

С учетом изложенного выше в докладе представлена классификация частей речи на основе иерархических отношений между ними, а также взаимодействия в коммуникативном процессе, позволяющем выделить формы слов, которые являются результатом этого взаимодействия.

Род и пол при вторичной номинации

М. В. Шульга

Университет китайской культуры, Тайбей (Тайвань) / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зоосемизмы, личные существительные, грамматический род, вторичная номинация

Summary. The report is devoted to the problems of grammatical adaptation of names of animals to the grammatical gender of personal nouns under the metaphorical transference of meaning “animal → human being”.

Предметом исследования являются зоосемизмы – наименования лиц, образованные на основе метафорического переноса животное → человек.

Зоонимы и их семантические производные зоосемизмы относятся к разным лексико-грамматическим классам существительных, противопоставленным по признаку не-лицо – лицо. Они по-разному охарактеризованы в отношении синтаксического рода и по отношению родовых форм к биологическому полу.

Зоонимы в отношении синтаксического рода не выделяются среди неличных существительных. Их род определяется по формальным показателям, а не по биологическому полу, как у личных существительных. Если у зоонима развивается вторичное антропонимическое значение, возникает проблема его грамматической адаптации к кругу личных существительных, а также проблема переосмысления родовых значений в полове. Адаптация зоосемизмов к особенностям синтаксического рода личных существительных – это частный аспект мало исследованной в лингвистике грамматической проблематики вторичной номинации.

Исследование современных художественных текстов и толковых словарей русского языка показало, что характер адаптации связан с характером отношений в родовых парах мотивирующих зоонимов.

1. Те зоонимы, которые составляют привативную оппозицию с маркированной формой женского рода (*волк – волчица, гусь – гусыня, лев – львица, осел – ослица* или *ослиха, навин – пава, телок – телка, тигр – тигрица*) в переносном антропонимическом значении сохраняют родополовые различия мотивирующих зоонимов. Родополовые отношения у них аналогичны родополовым отношениям у личных имен. Прямые соответствия между зоонимами и личными именами служат предпосылкой для сохранения родополовых различий при трансформации зоонимов в зоосемизмы.

2. У зоонимов типа *козел – коза*, которые составляют привативную оппозицию с маркированной формой мужского рода, аналогии родополовым отношениям среди названий лиц не наблюдается. При переосмыслении зоонимов в названия лиц здесь возникают существенные и разнообразные изменения.

При употреблении в антропонимическом значении могут сохраняться привативные отношения, однако маркированный и немаркированный члены оппозиции меняются местами. Например, *козел* относится к лицам мужского пола и безотносительно к полу, а *коза* – только к лицам женского пола. При вторичной номинации для данной пары зоосемизмов послужили моделью родополовые отношения личных существительных, а также зоосемизмов типа *волк – волчица*.

Вторичное антропонимическое значение может развиваться только у маркированной формы мужского рода: *кот – кошка*. Зоосемизма *кошка* толковые словари русского языка не фиксируют.

У отдельных зоосемизмов сохраняются привативные отношения и маркированность мужского рода по отношению биологическому полу: *лис – лисица, лис – лиса*. Данный тип отношений для названий лиц не характерен. По характеру родополовых отношений они составляют уникальное явление в кругу личных существительных и остаются неадаптированными в системе других названий лиц.

3. Некоторые из названий животных имеют варианты по мужскому и по женскому морфологическому роду при том, что эта вариантность не связана с биологическим полом животного, род данных существительных зависит от типа склонения, а не от пола животного, например: *жираф – жирафа*. В кругу личных существительных аналогии таким родополовым отношениям не наблюдается. Характер адаптации таких зоосемизмов среди названий лиц оказывается неоднородным, однако в этой неоднородности выделяются определенные тенденции.

Вариантные родовые формы преобразуются в привативную оппозицию с маркированной по признаку пола формой мужского рода – степень адаптации незначительная, по характеру родополовых отношений зоосемизмы составляют уникальное явление в кругу личных существительных: *змея – змей, змий – змея*.

Зоонимы на *-а* могут приобретать (или сохранять) синтаксические характеристики общего рода, при этом синтаксические формы общего рода переосмысливаются как охарактеризованные по признаку пола: зоосемизмы *зверь – зверюга; скот – скотина, тетерев – тетеря*. У них формы на *-а* адаптированы в кругу названий лиц общего рода.

Вариантные родовые формы мотивирующих зоонимов могут преобразовываться в привативную оппозицию с маркированной по признаку пола формой женского рода. Такие

зоосемизмы полностью адаптированы в кругу личных существительных: *гад – гадина*.

В процессе вторичной номинации могут происходить семантические сдвиги; у зоосемизмов *гад – гадюка* утрачена дифференцирующая сема общее – частное; у зоосемизмов *зверь – зверюга* значение качественности переосмыслено в значение общего пола.

Вторичная номинация может сопровождаться утратой одного из родовых вариантов, как это наблюдается у зоонимов *ворон – ворона, тетерев – тетеря*. Данное явление можно, по-видимому, рассматривать как один из способов адаптации зоосемизмов в кругу личных существительных, которым родовая вариантность не свойственна.

В лингвистической литературе по-разному характеризуются по способности выражать различия по полу зоосемизмы *скотина, гадина, тетеря, змей*. Эти расхождения свидетельствуют о не устоявшемся, динамичном характере родополовых значений зоосемизмов, они позволяют характеризовать их адаптацию в кругу личных существительных как активно развивающийся процесс.

Характерно, что художественные тексты отражают более продвинутую степень адаптации зоосемизмов в кругу личных существительных, чем лингвистическая литература в целом. Так, узус подтверждает общий род зоосемизма *скотина*, привативный характер отношений у зоосемизмов *гад – гадина, змей – змея*. В лингвистической литературе эти отношения оцениваются по-разному.

Исследование выявляет значимость лексико-грамматических факторов в процессе вторичной номинации.

Литература

1. Дуличенко Л. В. Словарь обидных слов: Наименования лиц с негативным значением. Тарту, 2000.
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002.
3. Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.